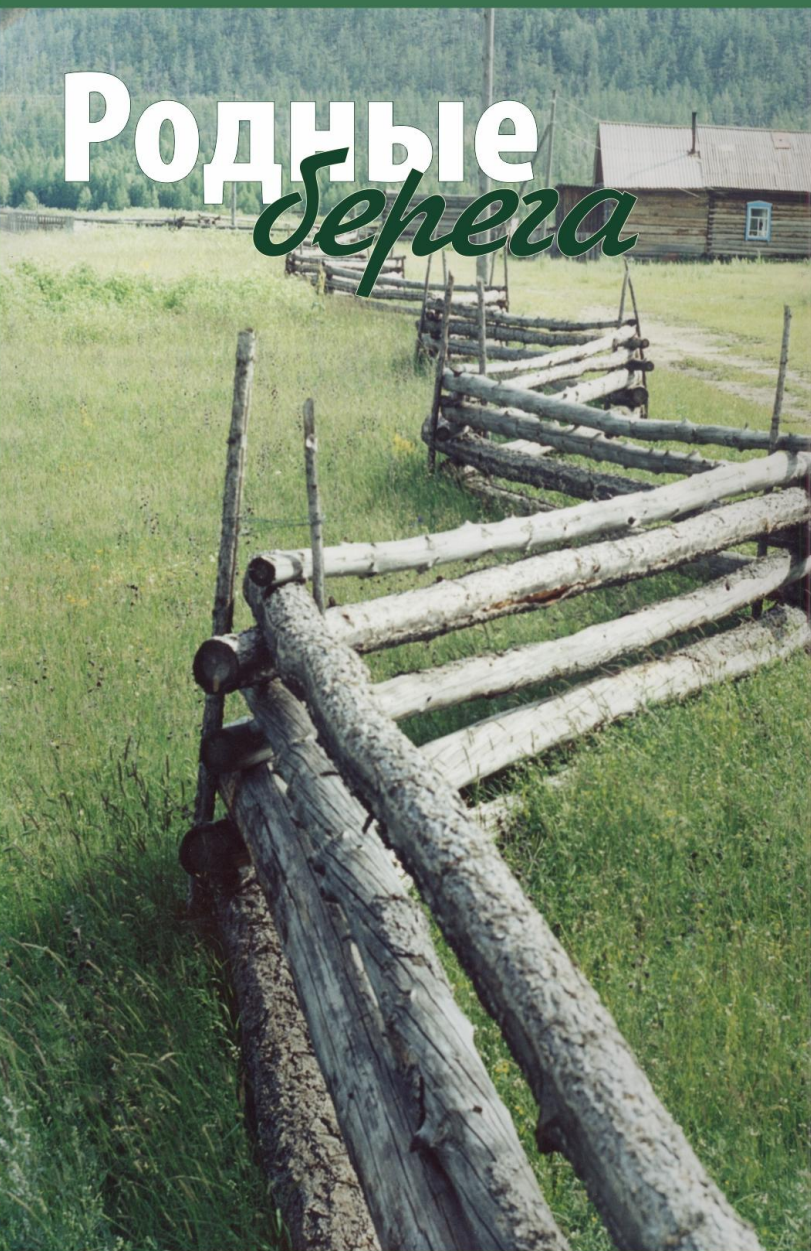

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Родные *Берега*

Художественно-публицистический альманах

РОДНЫЕ БЕРЕГА

УДК Р2
ББК 84 (2 Рос-Рус) 6
Р 60

«Родные берега» - художественно-публицистический альманах – Иркутск: «Репроцентр А1». – 2014, - 152 с.

ISBN 978-5-91344-609-1

Автор идеи – литературный клуб
Высшей народной школы г. Иркутска
Редактор-составитель - Александр Гордин
Общественная редколлегия:
Анатолий Волчук, Людмила Арсентьева.
Художественное оформление:
Владимир Быргазов, Сергей Соловьёв,
Юрий Скорняков, Александр Гордин,
Геннадий Кузьмин.

Печатается в рамках городского социального проекта
«Иркутск – обучающийся город»

ISBN 978-5-91344-609-1

Высшая народная школа г. Иркутска - 2014
Восточно-Сибирская
государственная академия образования

НАШИ РОДНЫЕ БЕРЕГА

У каждого из нас есть свой берег - семья, от которого мы когда-то ушли в далекое плавание по жизни. У кого-то этот берег был с простым деревянным причалом, над которым ночами покачивались звёзды на просторном сибирском небе, у кого-то с бетонным пирсом, который был освещен яркими неоновыми лампами.

Да и на самом берегу жили все по-разному. У кого вдоволь ягод и грибов в чуланах да огород последняя надёжа – «беда и выручка», по субботам - банька, по праздникам – песни да русская водочка. У кого апельсины да мандарины, балыки да колбасы из холодильников не выводились, а в праздник не коврижки с брусникой, а торты кондитерские украшали стол, не водка или самогонка, а коньячок армянский сигнализировал об особом, случае сбора разнообразной и чудной для простого человека снеди на столе. В таких домах в будни первое, второе и третье, как в столовой или ресторане подавали, а иностранный запах настоящего кофе был даже в складках одежды их обитателей.

А всё остальное у них было как и у всех сибиряков: давить в автобусах, кому повезло больше в трамваях и троллейбусах; вокзалы, пахнущие потом и сырой одеждой; столовки с компотом, жареным хеком и котлетами, которые чем-то, отдаленно, напоминали мясной продукт; школы, имеющие строгое и усталое лицо учительницы и серо-коричневую, но жизнерадостно клокочущую массу учащихся; общественные бани с шайками, разливным пивом, гулким эхом больших залов, в которых не столько мылись, сколько оживленно разговаривали «за жись» и много другое, что всё же больше объединяло, чем разъединяло народонаселение некогда великой страны СССР.

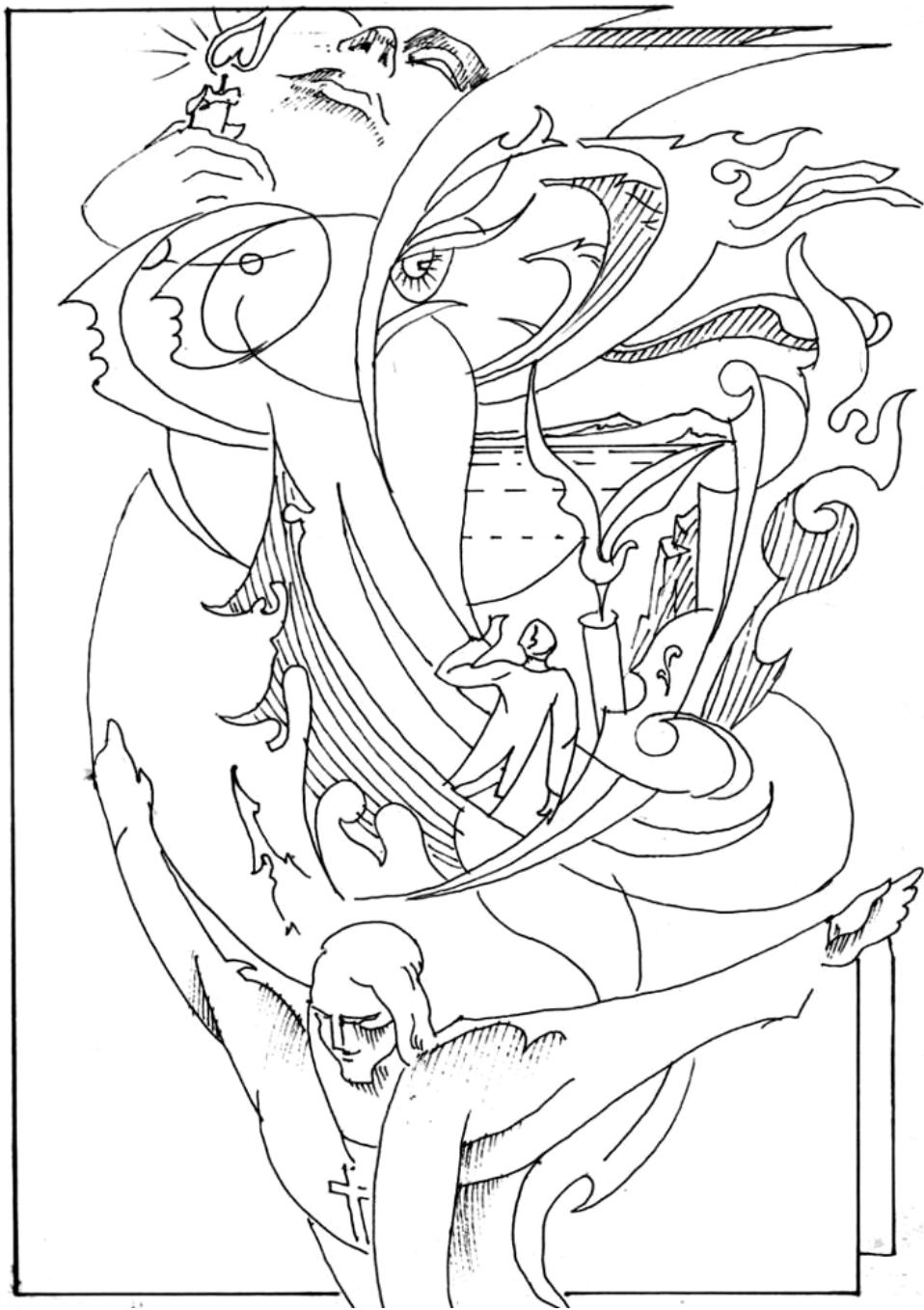
Теперь мы обжили свои берега, от которых в дальний путь по жизни отправляем уже своих детей. Каждый из них (не то, что раньше!) на особицу. При общем, образно говоря, «безобразии», царящем в стране, жизнь и мы вместе с нею стали всё-таки многообразнее. Хорошо это или плохо - об этом скажут потомки. А пока мы, уважаемый читатель, приглашаем каждого из вас на свой берег: испейте с нами наших мыслей и чувств, согрейтесь у наших душ. Особенность нашего пространства – территории творчества Высшей народной школы г.Иркутска в том, что на его «перекрестках», таких, как наш литературный клуб, встречаются самые разные люди: профессиональные писатели и

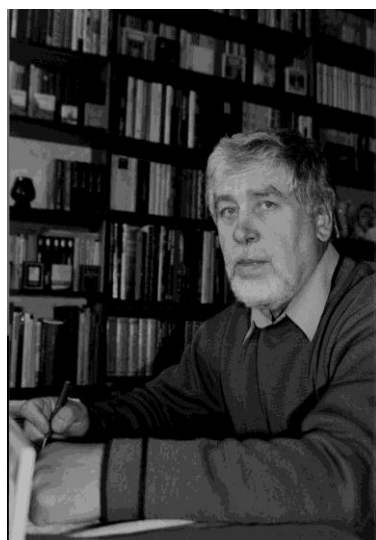
журналисты, самодеятельные литераторы и народные самоучки, просто любители литературы. Этот альманах - своеобразный результат таких встреч. Кто и в какой степени одарён литературным талантом - решать вам. Для нас же было и остается важным делиться друг с другом радостью своего творчества в надежде, что она найдет отклик в душе другого человека.

Мы понимаем, что, возможно, не любой наш берег вам покажется жилым, а его хозяин умным, добрым собеседником. Наверное, и «литературное угощение» не каждому придется по вкусу, но, как говорится, чем богаты, тем и рады. Не судите строго за простоту и простоватость, за, возможно, излишнюю открытость, многословие, угловатость, прямодушие. Помните, что, несмотря на всё, эти наши «родные берега» - часть нашего общего родного берега – Сибири. Недостатки и достоинства наших очагов, горящих или чадящих, в конечном счёте простое отражение того, как мы в этой удивительной стране по имени Сибирь в начале 21 века все вместе живем: о чем думаем, мечтаем, что любим, в связи с чем огорчаемся, что не приемлем... Так или иначе, наши родные берега открыты для вас, а ваше дело вступить на них или нет...

Александр Гордин

ПОЭЗИЯ

Владимир Скиф

ИЗ КНИГИ «РУССКИЙ КРЕСТ»

СВИСТ

Я слышал свист по всей земле родимой,
Аж в трубку заворачивался лист.
Свистела жизнь, а может я, гонимый
По белу свету, превращался в свист.
Свистел камыш, свистел в машине поршень
И нёс её в неведомый предел.
В бугристом небе кривоклювый коршун,
Как будто бритва, крыльями свистел.
Свистело небо над Кремлёвской башней,
Свистел дырою - взорванный вагон.
И, пролетая над странюю падшей,
Свистел закон, как будто бы дракон.
Дела – свистели – бизнесменов юрких,
Тела – свистели – проданных невест,
И ртами тьмы, как воровские урки,
Свистели окна, и свистел подъезд.
Свистел мужик, пропивший жизни повесть,
Свистел дурак, страну свою круша.
Свистела горлом – раненая совесть,
Свистела боль – голая душа.

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

Дымом от выстрелов прежних веков
В небе качается гроздь облаков,
Или погнал дикий ветер
Дымную память столетий?
Порохом пахнет задымленный лес,
Снова нам чудится в окнах небес
Выстрелы ставшие громом,
А для России – уроном...
Пушкин и Лермонтов падают вновь,
В вечности стелется дымная кровь
Русских горячих поэтов,
Канувших в тёмную Лету.
Снова вздымается времени дрожь,
Сыплется пулями хлынувший дождь!
Ходит вдоль русского края
Третья война мировая...

ИЗ КНИГИ «МОЛЧАЛИВАЯ ВОЛЯ НЕБЕС»

Позвонки народа хрустнули,
Улыбнулся президент.
Продолжается над русскими
Вековой эксперимент.

В телевизоре мучители
Кровь толкут, не спят ночей.
Вы уже не отличите их
От кровавых палачей.

Я живу бедою жгучею
Посреди родных высот.
В проволоку расколючую
Превращается осот.

Мне уже совсем не кажется:
Среди общей немоты
По стране растут не сажены,
А могильные кресты.

Вся страна, как в оккупации...
Сникли отчие дымы...
Смотрит узник русской нации
Из души, как из тюрьмы.

Олег Добрынин

Если руку не дашь - упаду
И навеки из жизни уйду.
Где-то там, за чертой роковой,
Будет плакать сентябрь надо мной,
И рябина за тёмным окном
Не зажжётся любовным огнём.
Разве в том виноват я один,
Что обрублены кисти рябин?...

ОЖИДАНИЕ ЛЕТА

Я лето жду с огромным нетерпением.
Хоть и зима по-своему близка:
Мне дорога она метельным пенем,
Таинственную пляской куржака,

Застывшим лесом, словно на поверке,
Взметнувшего седые кроны вверх,
Где зябнет ворон на озябшей ветке
Под тихий перестон косматых верб.

Я лето жду, ловлю в ладонь снежинки,
В них запах уловить хочу дождя,
Увидеть блёстки утренней росинки,
Услышать бормотание ручья,
Закрыв глаза, предаться летней неге.
Ведь я ищу невидимую нить,
Когда стремлюсь средь волн сыпучих снега
На берег яркий лета переплыть...

* * *

Разневестились деревья:
Серебро вплели в косу.
То-то повод для веселья,
Показать свою красу.

Эй вы, кедры-великаны,
Выходите танцевать,
Не всегда ж, как окаянным,
Небо на плечах держать.

Закуржавелись ресницы,
В быстром танце хоровод.
Мчится в поле колесница -
Вьюга яростно ревёт.

Налетела, закружила,
В дикой злобе рвёт фату...
Но на свете есть ли сила,
Чтоб убила красоту?

Нет, такое не случится!
Хоровод быстрее, быстрее.
Пусть сильнее вьюга злится -
Будет танец веселей.

СЕНОКОС

Вот пришла она, пора
Сенокосная.
Косы острые с утра -
В травы росные.

И за рядом ряд в валки -
Сено плотное.
Вытирают мужики
Лица потные.

Докучают комары
Ненасытные.
Потускнели от жары
Луга бритые.

Бабы сено ворошат -
Ароматище!
Кой-кому поддаст под зад
Чья-то лапища.

На лихого паренька -
Словно выстрелят -
Из-под белого платка
Очи быстрые.

Загогочут мужики,
Дым махорочный,
Замелькали оселки,
Руки чёрные.

Пусть над станом храп и бредь...
До безумия
Будет ночь ещё звенеть -
Поцелуями!

Я мальчишкой ходил через мост,
Видел зелень волнистую кос -
Под глубокой прозрачной водой
Ангара их ласкала струей.

Видел , как весь взъерошен от дел,
«Фридрих Энгельс» надсадно пыхтел,
А с его заржавевших бортов
В волны прыгали стайки мальцов.

Видел буйный налёт мотылька -
И от рыбы кипела река.
А в морозы, когда гнуло дым,
Я на дне видел яркие льды.

Как невеста, воздушной фатой
Покрывалось Глазково весной
И пускало с крутых берегов
Караваны цветных лепестков.

Для влюблённых всю ночь напролёт
Тихо звёзды вели хоровод,
И мерцала загадкой вода...
Но иная всходила звезда!

Это мы, закусив удила,
На великие мчались дела -
И в верховьях воздвигнутый вал
Сам Твардовский в стихах воспевал.

Я сейчас через мост не хожу:
Больно видеть мне омут – стыжусь...

* * *

Я помню
 то время,
 помню...
Ходил по жнивью босиком,

Колосья,
 поднятые мною,
Топорщились
 жёлтым ежом.
И падало
 солнце с неба,
Уставшее
 за день светить,
Вручали
 горбушку мне
 хлеба,
Назавтра
 велел приходить.
И шёл я:
 и в зной,
 и в порошу,

И хлюпал предательски нос,
Но как
 драгоценную ношу,
Домой
 ту горбушку
 нёс
Не помню,
 какое искусство
Рождало любовь
 или гнев?
Но помню,
 что был
 самым вкусным,
Тобой
 заработанный хлеб.

* * *

Идёт гражданская война:
Война идей и правды чьей-то,
Ну почему ж моя страна
Должна испытывать всё это?

Отец бьёт сына – сын отца –
Смертелен бой, не на кулачках,
А где-то бабы у крыльца
Их ждут домой и тихо плачут.

Лежим в цепи, зарывшись в снег –
Шрапнель гудит над головами –
Минуты длятся, словно век.
Когда ж всё кончится, славяне?

Когда-то кончится, пройдёт...
Невосполнимые потери
Оплачет мученик-народ.
Но, вновь с бредовой идеей,
К нам кто-то, тихой сапой, – в двери...

Нет, природу не обманешь,
Хоть ты вырви стрелки прочь:
Будет утро – день настанет,
Будет вечер – будет ночь.

Так написано природой,
И не нам её корить,
Не подвластная народам –
Своей жизнью будет жить.

И не спросит человека,
Что дать: ливень или град,
Динозавров, рой молекул,
Катаклизмы, рай или ад?

Все равны перед природой...
Только глупый свой набег –
Не познав путей отхода –
Совершает человек.

Зимняя баня

Вились белые снежинки
Как-то поздним вечером.
А мы мчались из парилки
И в сугробы – нагишом.

Сколько визга, сколько смеха
И отваги удалой! -
Распрекрасная потеха
В этой пляске огневой.

А затем опять в парилку,
Поплескались – и за стол:
Пили с перчиком горилку,
Оглашая песней дол.

Но потом никто не кашлял,
Не «давил» собой диван
И не пил пилюль и капель
После жарко-снежных ванн.

БАЙКАЛЬСКИЕ МОТИВЫ

(отрывок из поэмы)

Всё! Не могу! - Усталость плечи
К земле сгибает, душит смрад -
Стремлюсь сюда, где сосны-свечи
Зелёным пламенем горят.
Где вижу вод могучих строгость,
Гордыню скал, уют долин,
Где айсберг облака крутого
Величественно режет синь.
- Прими меня, мой друг зелёный,
Хмельны объятия твои,
И ты, родной, волной студёной
Меня с ладоней напои.
Да не ворчите, обещайте,
Мы и родителей порой

Не так уж часто навещаем,
Кивнув на век наш скоростной.
На суд семейный созовите
Старейшин каменные лбы,
А виноват, так исхлещите
Свинцовой плёткою сармы.
Но тих Байкал: волной ленивой
Ласкает камушки на дне,
И гор нечесанные гривы
Застыли в знойной вышине.
Кричу: - Мои! И сходу, с маху -
(Шального детства - дерзкий пыл)
Не сняв штаны, не сняв рубаху -
Нырнул в Байкал - ожог пронзил!
Байкал, смеясь, журчит на ухо:
- Ты, неразумное дитя...
И незлобивой оплеухой
На берег выбросил меня.
Ласкают тело солнца грозди.
Палатку треплет ветерок.
Дымок ухи щекочет ноздри,
Волнуя чувственный порок.
Взметнулся хариус-бродяга,
Игриво ткнулся в поплавок.
Из сказки вынырнув, корягой
Легло чудовище у ног.
А вот и нерпа (света - чудо)
Вдруг появилась ниоткуда,
Её печальные глаза
(Для местных рыбаков – гроза)
Меня осматривают долго:
Нет ни хвоста, ни чешуи:
Чего разглядывать без толку?
Без всплеска вниз: ищи-свищи.
Деревья ближе подступили
И, целомудрие храня,
Всю нежность зелени дарили
И невесомые парили
В нелёгком танце на корнях.
И, как сирены в час печали,
Пески мне что-то напевали,
Их неземные голоса

Меня баюкали, качали
И поднимали в небеса.
И силы, чувствую, приходят...
Былинным духом сражена,
Забилась при смерти хандра.
В далёкой дымке пароходик
Хрипит приветливо: ура-а-а...

Я исходил дорог немало –
Как край родной, да не любить.
Я сын тайги, я сын Байкала...
И нужно ль больше говорить!?

Пусть открыто окно
Ну, а мне всё равно:
Я пройду, не взглянув на окно.

Будет шторка дрожать,
Будет муха жужжать.
Я пройду, не взглянув на окно.

И на шторке пусть свет
Отразит силуэт...
Я пройду, не взглянув на окно.

Но пурпурный цветок
Упадёт вдруг у ног-
Я его подниму – и взгляну.

Александр Гордин

ИЗ ЦИКЛА «ПЕНЬКОВАЯ ЛИРА»

РУССКИЙ РИМ

Свеча потушена. Лицо – клеймо!
О, Рим! Ты видишь: я твой раб.
И жизнь меня, и смерть неймет:
под плетью дерзок, с плетью слаб.

Здесь, на разрушенных домах,
трава растет, да мох,
коль небо синее в глазах –
в душе чертополох.

Здесь поножовщина давно
и воля по ночам,
но, словно редкое вино,
стихов сладчайший срам.

И непонятно: для чего
нужна нам эта страсть.
Быть может, в тьме всевидящей легко
сердца у сирых красть?

Но светел чем-то и кандалный звон -
с лица блаженства не стереть!
Вы слышите призывный стон!?
И – отступает смерть...

1992 г.

Моя нация - хлеб и сталь.
Мое сердце – костер в степи.
Ахиллеса и россов жаль:
«Человечество, не уби!».

Пятьдесят легкокрылых судов
пропустил, обманувшись, Приам,
чтоб понять цену вещей слов:
«Мертвый русич не имеет срам».

И три солнца взошли над землей,
и двенадцать промчалось лет.
Кто ты, предок далекий мой? –
Ветер сеет листвою ответ...

Голос сей, словно море, шумит,
наливается в небе гроза...
Знают, как был Патрокл убит
Мирмидонцы да лишь небеса.

Но о Родине скорбный плач
вразумителен мне и сейчас:
только россу печаль – палач,
когда, как журавлиный глас,
его сердце стремится в ночи
в милый, северный, гордый край,
где жив Пан и сиринга звучит,
заглушая вороний грай...

1993 г.

Прекратилась работа души,
И вернувшееся пространство
изготовилось придушить
наше рабское постоянство.

Гость, пришедший с мороза в тепло,
греет вновь свои жадные руки
о Россию, которой везло
на насилье и хамство, от скуки.

В окнах – неба застывшая грусть,
а в глаза – опрокинуты дали!
Но, читая всех нас наизусть,
разгадает все ж кто-то едва ли!

Как волна на речной мели,
бьется пеною речь потешная,
дескать, «Проклятей нет Земли,
все, кто в ней и на ней - потешные!»

Но! Рябиной сочась на снег,
жадным ртом полыньи стужу мучая,
всем назло, наяву, не во сне
мы любили от случая к случаю!

Каждый был так талантливо сир,
что, вскормленные вьюгой и пьянством,
мы под звуки пеньковых лир, -
воскресаем, вернувшись из странствий!

О, как долгод наш путь к дому был!
Как же жить в клетках выросшим птицам?
Вы, грядущие из голытьбы,
помолитесь на наши лица...

1993 г.

Птицу выпустили из клетки.
Подарили оглохший мир,
где подвешены вновь на ветках
сотни русских пеньковых лир.

Ну а в клюве лишь зернышко слова.
В сердце – жалость и серенький страх...
Здесь октябрьское небо – багрово,
кровь на черных, слепых кирзаках.

И столикая мудрость безумства
снизошла, преломившись лучом,
в душу. Но шепнули: «Не умствуй!»
И её зачеркнули кнутом...

1993 г.

Двуглавый орел – белая ворона!
Срамна, странна у нас судьба:
в нас тычут пальцем – мы без стона
ждем божьего суда.

И взявший камень в руки – плачет,
но бьем наотмашь, чтобы – смерть,
дала нам жизнь! А все иначе...
И воеет в жилах мерзкий зверь!

Чтоб звезд потоки вырвались на волю,
и прокричал Вселенною петух,
а солнце, захлебнувшись нашей болью,
в ладонях наших испустило дух.

3-4 октября 1993 года.

Письма отправлены. Письма идут.
Где почтальон мой измученный?
Явь Акатуя – губернаторов труд:
властвовать им не прискучило!

Раб изменился: безудержно рад
жизни курьезному случаю.
Красный (почивший уже) звездопад,
видится только к лучшему!

Тот же строкою начертан чей путь,
полон иронии к каторжной жизни.
Мильтон ему – это ереси жуть.
Брат ему – всякий ближний!

Всё, что доверено тайным гонцам,
все, кто блуждают
 в промозгнувшей Вечности,
всё – в колыбели его лица,
прописано призрачной млечностью.

И становлюсь я лицом к лицу
к небу, и, как подаяние,
слов его тайну в сердце несу,
чашу испив с ним изгнания.

Письма отправлены. Письма идут.
Где почтальон мой измученный?
Явь Акатуя – губернаторов труд:
властвовать им не прискучило...

1990 г.

РОЖДЕСТВО

Здравствуй, тихая моя Родина!
Удивительно Рождество
всех, кому не до Святков вроде бы,
всех, забывших свое родство.

Присмирившим самоизгнанником
возвращаюсь в свой брошенный дом.
Неуютно, как чужестраннику
в этом городе жутко пустом.

Здесь уже на рождественских улицах
приморозят калитку едва ль...
А Медведица в небе сутулится –
одиноким ей ряженных жаль.

Не поэтому ль странною сказкою
мне читается нынешний день,
где, заблудший, уже без подсказки,
не найду милых сердцу огней.

Здесь рождаться еще случается:
кого к небу звезда ведет,
когда вовсе уже отчаётся
не стреляет, а песни поёт...

Только мне в этом снежном прозрении
снова чудится ветра молва.
Вспышки лиц и слова озарения,
и залитая кровью трава...

Тени здесь! Еще живы здесь тени!
Чу! Я вижу, как по Большой,
околдованной белой метелью,
Оболенский идет со мной.

Ну, а если прислушаться ночью –
сердце кликнет Большая Елань:
колокольчик кандалный в безочье
в самый раз, если дело дрянь.

Кто рискнет разгадать эту тайну? -
В старых срубах ослепших домов
оставляет нам не случайно
время знаки истлевших годов.

Кто поручится, дерзкий, что ныне
кровь Громницкого и зэка
в нашей терпкой усольской полыни
перемешана лишь слегка!?

Но чем мрак беспросветней желаний –
ярче светит Христова звезда!
И распятых - она еще манит,
а рожденных – ведет до креста!

1988 г.

Анатолий Волчук

ИЗ ЦИКЛА «ОСЕННИЕ МОТИВЫ»

Тихо я иду аллеей парка;
Под ногами листья шелестят,
И грустят берёзы, словно жалко
Им зелёный, праздничный наряд.
Небо опустилось сиротливо,
Отражаясь в смолкнувшем пруду,
Над водой склонившиеся ивы
Притаились, чувствуя беду.
Я люблю осеннюю погоду:
Грустная, прощальная пора,
Уж покровы все сняла природа,
Чтоб уснуть до вешнего утра.
На душе моей чуть – чуть тревожно,
Сердце вновь с тобою встречи ждёт,
Хоть я знаю – счастье невозможно,
И весна любви уж не придёт.

1958 г.

Отшумели вьюги золотые,
Отзвенел по рощам листопад;
Над рекой туманы голубые
Дымовой завесою висят.
Пахнет в стылом воздухе предзимьем;
Пароход аukaет вдали;
С криком над посевами озимых
Пролетают к югу журавли.
Как хочу я вслед за журавлями
Полететь в далёкие края,
Чтобы там, за синими морями,
Думать о тебе, земля моя.
Чтоб понять на дальней на чужбине:
Без тебя и дня мне не прожить.
Мне открылась истина отныне:
Где родился – там и должен жить.

1970 г.

Вот уж снова облетают
Листья жёлтые с берёз,
Птицы к югу улетают,
Опустел знакомый плёс.
Лес стоит, принарядившись
В ярко – жёлтый сарафан,
Пригорюнились осинки,
Обнажив девичий стан.
Небо низко опустилось,
Хмурой тучею глядит,
На дворе туман и сырость,
Мелкий дождик моросит.
От осенней непогоды
На душе такая грусть...
Жаль, что в прожитые годы
Я уж больше не вернусь.

2001 г.

Ты сказала: «Звонить мне не надо,
Встреч со мною не надо искать».
Золотая метель листопада
Нас с тобой разлучила опять.
Я, конечно, умом понимаю,
Что теперь ты чужая жена,
Но в глазах твоих грустных читаю,
Что когда – то ты будешь одна.
И когда тебе так одиноко
Станет в мире холодном, чужом,
Вспомнишь ты, что в Сибири далёкой
Есть тобою покинутый дом,
Дом, где ждут тебя близкие люди,
Дом, где ждут тебя ночью и днём,
Дом, в котором тебя не забудут...
Сохрани его в сердце своём.

1990 г.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Зимний вечер; метель завывает;
Я гляжу на заснеженный двор;
На оконном стекле намерзает
Зашифрованный ребус – узор.
Что сокрыто за этим узором?
Может быть, весь мой жизненный путь?
Если б мог я всевидящим взором
В его тайную суть заглянуть...
Но, увы... это мне не по силам,
Нам предвидеть судьбу не дано.
А метель завывает уныло,
И снежинки стучатся в окно.

1968 г.

ДУМЫ

Светлой памяти сестры Людмилы

Никто не знает, как мне тяжело,
Как по ночам мучительно не спится:
Из жизни что-то светлое ушло,
Ушло и никогда не повторится.
Не думал я, что жизнь так коротка,
Что мы приходим в мир лишь
на мгновенье,
И нас уносит времени река
Туда, где только холод и забвенье.
Зачем тогда нам богом жизнь дана,
Если её легко отнять возможно?
Ещё вчера ласкала нас весна,
А осень уж крадётся осторожно.
Я в зеркало внимательно гляжу
И, вспоминая осени приметы,
Глаза непроизвольно отвожу
И жду с тревогой смутную рассвета.

Май 2005 г.

Давно окончена гражданская война,
Но, продолжая пляски на погосте,
Мы дружно ищем, в чём и чья вина,
И ворошим истлевшие уж кости.
Одни в тоске исходят по вождям,
Другие же плюют на их могилы,
И непонятно неразумным нам,
Что сами мы Россию погубили.
Забыли мы пророческий призыв
Того, кто страстно так мечтал о братстве,
«Когда народы, распри позабыв,
В единую семью соединятся».
Пусть спят спокойно деды и отцы,
Неважно, кто был белым,
кто был красным.
Заложим дома общего венцы

И перестанем ссориться напрасно.
История рассудит, кто был прав,
И каждому воздастся по заслугам.
Откроется немало новых глав,
И мы в конце концов простим
друг друга.

2009 г.

Мы все под звёздным Зодиаком
На корабле одном плывём,
И курс один у нас, однако
Никак мы это не поймём.
Одни мы в космосе безбрежном,
И потому нам суждено
Прийти к согласью неизбежно,
Иначе все пойдём на дно.

2010 г.

СВЯТОЙ БАЙКАЛ

Я Байкалом с детства очарован,
И, морей немало обойдя,
Понял, что навек к нему прикован:
Здесь мой дом, здесь родина моя.
Здесь моя душа и мои мысли,
Здесь мои родные и друзья,
Здесь я становлюсь добрей и чище.
Жив Байкал, а значит, жив и я.

Девушка под зонтиком идёт,
Тихая, печальная такая,
А навстречу движется народ,
Девушку совсем не замечая.
Мелкий дождик нудно моросит;
Воробей нахохлился под крышей;
Девушка под зонтиком грустит,
Но никто, увы, её не слышит.
Каждый занят только лишь собой,
И никто вопросом не задастся,

Отчего вдруг девушке такой
Хочется грустить, а не смеяться.
Люди, оглянитесь же вокруг:
Может, в эту самую минуту
Сердцем вы почувствуете вдруг,
Как взгрустнулось встречному кому-то.
И, взглянув в печальные глаза,
Вы без слов, но с искренним участием
Подадите знак: грустить нельзя,
Может, за углом вас встретит счастье.

2007 г.

СУДЬБА

Всё чаще вспоминаю детство я,
Чтоб отыскать судьбы моей истоки,
Хочу проникнуть в тайну бытия,
Увидеть свет звезды моей далёкой,
Услышать песню, что певала мать,
Печально колыбель мою качая,
Грядущих бурь суровую печать
Во взгляде сына с грустью замечая.
Я в этой жизни много повидал:
Знавал и обжигающее счастье,
Любил, и был любимым, и страдал,
Смеялся с солнцем и грустил в ненастье.
Я с Родиной жил одной судьбой,
С ней разделял удачи и невзгоды,
Могу сказать: «Россия, я с тобой,
Я плоть от плоти русского народа».
Пусть не кружит над нами вороньё –
Ничем им не удастся поживиться,
Расправит грудь Отечество моё,
И мощь России снова возродится.

1999 г.

Владимир Крестьянников

ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

Опять до утра разгулялся сосед,
В последнее время всё чаще и чаще,
Напившись, дает за концертом концерт:
То просит прощенья, то ищет участия.
Судьбою и смертью забытый живет,
Без ног инвалид с сорок третьего года.
Под старый баян свои песни поет,
Да так, что невольно мурашки по коже.
Забытая песня последней войны
В ночные квартиры без стука заходит,
Вдруг тихо присядет к подушке вдовы
И горькою памятью сердце застонет.
То эхом давно отгремевших атак
Седого солдата среди ночи разбудит,
И долго не спит, жадно курит солдат,
Как будто ему на рассвете под пули.
Забытая песня, нехитрый мотив,
Но, как безнадежно старушка рыдает.
Все сына ждала, все надеялась – жив,
И вдруг поняла, что чудес не бывает.
Шумят за окошком в ночи тополя,
Что сын посадил перед самой войною,
Спит город, уснула, притихла земля,
Лишь в нашем подъезде ни сна, ни покоя.
Над нашею крышею вьюги метут
И снова стучатся в окно похоронки.
Войной опаленные, песни живут,

А песня и память - родные сестренки.
Опять до утра не уснет инвалид.
В последнее время все чаще и чаще
То стонет баян, то чуть слышно скорбит,
То ль просит прощенья, то ль ищет участия.

* * *

Времени, как жизни,
много не бывает,
Может самой малости
не хватить.
Не хватит океана,
чтобы поплавать,
Воздуха,
последнего глоточка,
не испить.
Не хватит девчонки,
чтобы быть счастливым,
Если рядом друг
тоже счастья ждет.
А в самый черный день
на краю обрыва,
Вдруг не хватит друга,
миг - и жизнь уйдет.
Пропусту не хватит
этой самой жизни,
Ни родить ребенка,
ни достроить дом.
В свой последний миг
секундочки не выжать,
Чтоб вспомнить,
как однажды
был счастлив под дождем.
Не вспомнить запах яблок,
дождем омытых,
Звездопад алмазов
с каждого куста,
Но как много времени,
чтобы быть забытым,
Чтоб время стерло имя
с надгробного креста.

Что все мы вольно иль невольно
пришли на время в этот мир.
Была деревня, жили люди,
кипели страсти во дворах.
Теперь уж вряд ли кто разбудит
деревни жалкий прах.
В пустых домах, слепых глазницах
не отражается гроза.
Семейка ласточек гнездится
там, где висели образа.
Воркуют голуби под крышей,
влетают ласточки в окно.
Возможно, чьи-то души свыше
в свое слетаются гнездо.
Чтоб посидеть, бывшее вспомнить,
взгрустнуть о прожитых годах.
Был дом когда-то чашей полной,
и вот у ног древесный прах.
Здесь мое детство травы мяло,
ловило в речке окуней,
И в страшных снах не представлял я
развалин вотчины своей.
У жизни всем свои удары.
Спокойно спите земляки.
Родятся новые Хабаровы,
придут другие Ермаки.

МУЗЕЙНЫЕ СТРАСТИ

В пятнадцать лет я утонул в ее глазах,
Что застлала полудетская слеза.
На черной лестнице с горящею свечой
Я повстречал ее в музейной тишине.
И очарованный скорбящей красотой,
Я позабыл, что волшебство на полотне...
Ее ладошка, заслонившая свечу,
Как парус на пути к закатному лучу.
Я каждый год, уже шестой десяток лет,
Иду, как в юности, на это randevu,
И вижу, чувствую в ее глазах привет,
Как будто встретился с девчонкой наяву.

Вот и сегодня вновь мы с ней наедине,
Глаза в глаза и где-то юность за спиной.
Как крылья лебедя, что потерял покой.
Душа дрожит, взлететь готова к синеве.
И дополняя ощущение прошлых лет,
Плывет над городом воскресный благовест.

* * *

Что меня так на родину тянет:
Старый домик, над банькою дым?
Ни родных, ни друзей, только память,
Там по улочкам бродит кривым.

Переулком, до боли знакомым,
Память выйдет на берег... Вот здесь
Мое детство ныряло с парома,
Голышом в отраженье небес.

Боже, как же мы были богаты,
То богатство не спрячешь в карман.
Лес, река и в полнеба закаты,
Рано утром над речкой туман.

И черемуховые метели,
Как во сне, над гнездовьями птиц.
Там меня волновали и грели
Две смородинки из-под ресниц.

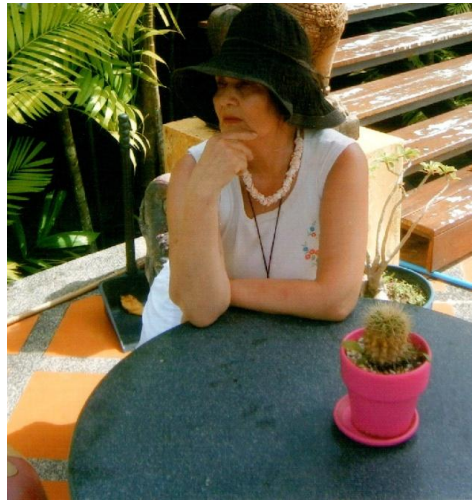
Ничего у нас с ней не сложилось,
Но, как эхо далекой весны,
Мне сегодня так ярко приснились,
Те смородинки в каплях росы.

Улетели, как лебеди, годы,
В небе тихо пушинки кружат.
Только память – загадка природы,
Снова ищет дорогу назад.

* * *

Пять минут на прощанье,
 пять минут до разлуки.
Нервно вздрогнут вагоны,
 больно сердце замрет.
Отчего в жаркий полдень
 холодны твои руки,
А с ресниц твоих трепетных
 вдруг звезда упадет.
Горячая звездочка
 обожжет мою руку,
Твои русые кудри
 мне на плечи падут.
Боже! Как же непросто
 плечи милой подруги
Встречным ветрам оставив,
 в темный тамбур шагнуть.
Брошу скорб свой на полку,
 разомну сигарету.
Задохнуться бы дымом,
 но в купе не резон,
А подняться и выйти
 почему-то сил нету.
За окном все быстрее
 уплывает перрон.
Дома привокзальные,
 старый храм на пригорке,
Скоро мост через речку -
 и прощай городок!
И останется шрамик,
 привкус ягоды горькой,
В бедном сердце повесы,
 как весенний ледок.

Говорят, что мужики не плачут...
Значит, я наверно не мужчина.
Потому, что безрассудно трачу
Эмоции мне данные судьбиной.
От душевной песни сердце дрогнет,
А над хорошей книгой загрустит.
Если детский плач за сердце тронет,
В глазах невольно влага заблестит.
Смейтесь надо мной, ломайте копья.
Я чувствую какую-то вину
Если вижу, как старик в лохмотьях
За подаяньем тянет длань свою.
Моя слеза не просто влага.
Когда в запое, мучаясь, сосед,
Припоминает, как цвета родного флага
Гроб сына прикрывали, словно плед.
Будто Родина согреть хотела
Мальчишку своего в последний раз.
Тонкий шелк израненное тело
Стыдливо прикрывал от лишних глаз.
Говорят, что мужики не плачут,
Не украшают слезы сильный пол.
Я видел, как мужчина слезы прячет,
Проглотить не в силах горький ком.
Все мы люди, все мы человеки,
И ходим все по краю бытия.
Сегодня «на коне» и солнце светит,
А завтра, может, очередь моя.
Что еще предложит нам судьбина?
Ухмылку проглоти, глазам не верь,
Когда слезами давится мужчина,
Просто притвори тихонько дверь.
Потому, что мужики не плачут...

Катерина Горячева

Тайны, тайны бытия,
Что судьбой загадано;
Свет ли, тьма иль пустота-
В жизни нашей связаны!

Капля за каплей течет,
Морем разливается....
Ярким светом ли блеснет -
Тайна открывается

Тайны, тайны бытия
Все стремимся к вечности,
Песнь у каждого своя
В мире бесконечности.

ОСКОЛКИ БЫВШЕГО СОЮЗА

Осколки бывшего Союза
С мыслями о коммунизме,
Смешные люди с жаждой чуда,
Живем, увы, в капитализме.
На своих дачах прозябаем,
Опять мы боремся с нуждой;
Других ведь радостей не знаем,
Надежды рухнули, как строй.

Осколки бывшего Союза
По свету в страхе разбежались,
Как многоглазая медуза,
Щупальцы еще остались.
Успех зависит от движенья-
Ох, не болеть бы, все успеть.
Спасибо, "други" за ученье,
Теперь нам не о чем жалеть.

Осколки бывшего Союза,
Жизнь многогранна, многослойна,
Она для многих лишь обуза
И бывает очень больно.
Но жизнь хороший трансформатор,-
Всегда трясло, опять трясет.
Она такой организатор-
Устроит наш еще полет.

Осколки бывшего Союза,
Мы где-то далеко зависли,
И все гримасы в танце "блюза"-
Наш компас в океане жизни.
Тик-так, тик-так, минуты скачут,
Мерцает жизнь на склоне лет,
Мы жили б, может быть, иначе,
А, может быть, и нет - секрет.

РУТИНА

Жизнь коротка, но многослойна,
Мутна, красива и хрупка.
Порой бывает очень больно-
Что ж, обновляемся слегка.

Слегка, бывает, зависаем
В рутине суетных хлопот.
А в просветленье открываем
Свободный мысленный полет.

Успех зависит от движенья,
От напряжения, ума.
Отбросьте темные сомненья,
Вершите светлые дела.

ТОСКА

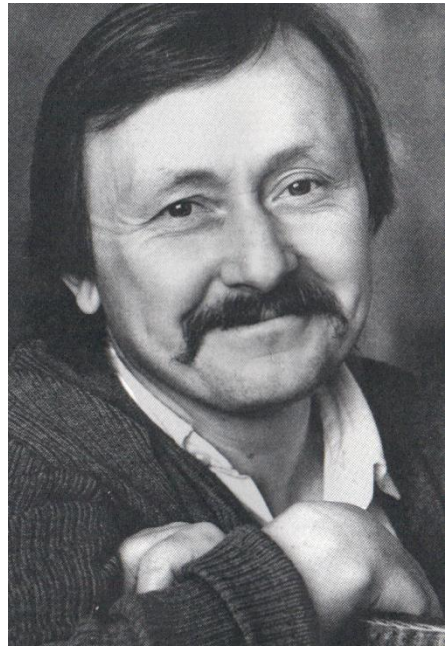
Живу в эпоху перемен,
Калейдоскопом жизнь мелькает.
Блистают искрами измен
Политиканы, озираясь.

Меняется режим и строй,
А люди, в шоке, онемели.
Пора бы "демократам" на покой,
Они достигли своих целей.

Живу в эпоху перемен -
Реклама, цены одолели,
Нет справедливости совсем-
Чиновники все принаглели.

Я наблюдаю в стороне;
Лбом стену лжи ведь не продолбишь,
А строки льются в тишине,
С тоски не то еще промолвишь.

Живу в эпоху перемен...

Владимир Максимов

И, кажется, всё миновало...
И нет впереди ничего...
И только на Бога надежда.
На светлую волю его.

ПО ДОРОГЕ ИЗ ИРКУТСКА В АНГАРСК

Всё, кажется, ещё не начал жить.
И с другом не делил ещё удачу.
Но друга нет. О нём я тихо плачу.
И с ним мне больше не поговорить.

А так мечталось – крылья обрести!
И в высь подняться. Высоко! Высоко!
Как холодно, тревожно, одиноко.
И губы шепчут позднее: «Прости»

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые
Его призвали Всеблагие,
Как соучастника на пир.*

Фёдор Тютчев

В ДОРОГЕ

В прогресс уже давно не верю,
Как в чисто прибранный сортир.
Зачем призвали Всеблагие
Меня на этот злачный пир?

Двадцатый век сверкнул, и... нету.
Но всё по-прежнему, как встарь.
Как было и во время Блока:
«Аптека. Улица. Фонарь»

Убогие деревни, свалки...
Развалины – то там, то тут,
Заборы «пьяные» и – люди.
И все чего-то продают.

Из года в год одно и тоже
В окне вагонном мельтешит...
Как будто бы застыло время.
Такой кругом унылый вид.

По радио оратор бойкий
Красно о жизни говорит...

9 июня 2010 г.
Поезд
«Усть-Илимск–Нижнеудинск».

**СТИХИ ИЗ ЦИКЛА
«КАК НИТЬ ТОНКА...»**

С.Е.

Мой выдуманный мир,
Как рад я, что ты есть!
Что я могу войти в тебя,
Какой я есть...

Что создан ты из дней,
Давно уже минувших.
И в памяти моей,
Казалось бы, уснувших.

И, может быть, другой,
Неведомый мне кто-то,
Прочтёт об этих днях.
И загрузит жестоко.

О том, как хорошо
И чисто было в мире,
Где мы с тобой, мой друг,
И жили и любили...

1 сентября 2010 г.
Порт Байкал

Здравствуй, Света – дочь рассвета,
Закатная любовь моя.
Ты, как будто, вся из мая.
А я, увы, из сентября.....

14 сентября 2010 г.
Порт Байкал

ВНЕ ЗОНЫ ДОСТУПА...

Твои посланья, как листва с дерев,
Летят ко мне разрозненною фразой...
Ведь я «вне зоны доступа» и здесь
Мне всё прочесть не удалось ни разу.
Вот, высветилось слово: «Дорогой...»
А дальше текста нет. Нет связи снова.
И вот ещё: « Я помню и...», увы,
Я вижу звёздочку и номер телефона,
С которого мне послан этот текст.
Сюда, на дачу, в пади у Байкала.
И я гадаю, что же было там?
Каких же слов ещё не доставало?..

Как в сеть дырявую, слова твои ловлю...
Но нет там слова главного: «Люблю...»

16 сентября 2010 г.
Порт Байкал

ЛЕТНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Читала женщина роман...
Чему-то улыбалась.
И бабочка своим крылом
Её груди касалась.

Был тих и зноен летний день.
И женщина под тентом
Казалась мне в тот дивный миг
Чудесным комплиментом
Самой природе. И, ещё –
Она меня любила.
И, кажется, до сей поры
Об этом не забыла...

2.10. 2010 г.
Иркутск

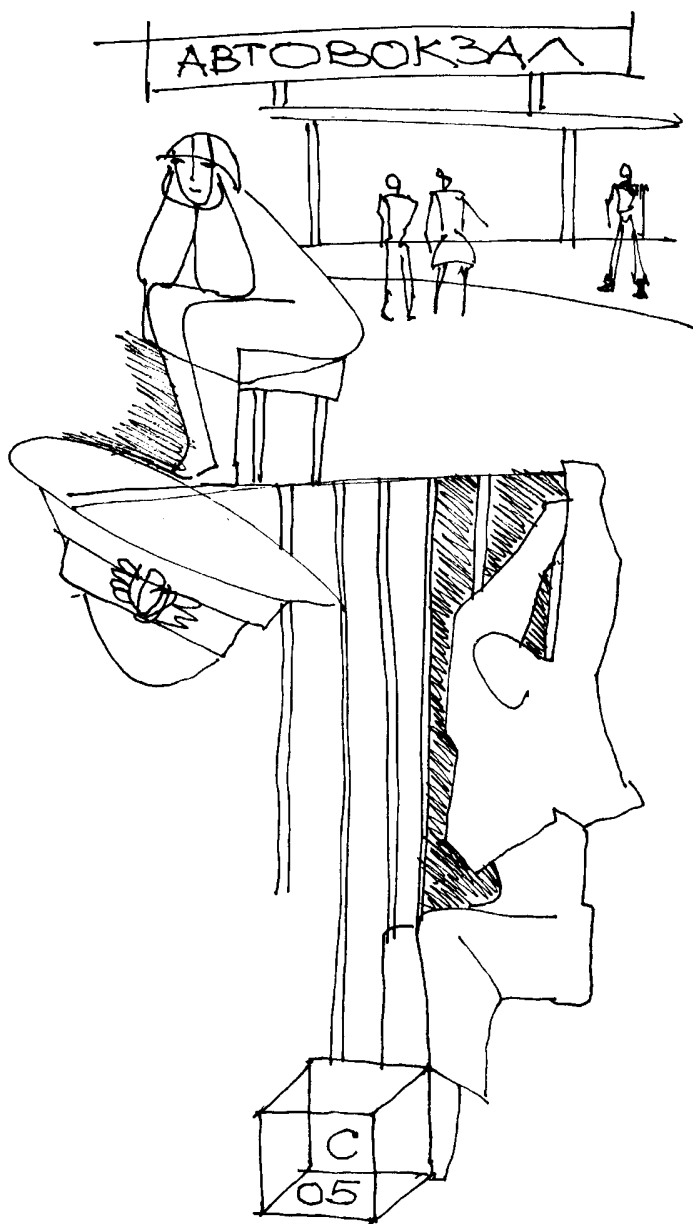
СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Легко сорите вы словами.
А мне они волнуют кровь.
И хорошо идти мне с вами,
И говорить не про любовь.

Вы произносите: «Быть может,
Увидимся мы с вами вновь».
Я вам беспечно улыбаюсь
И говорю – не про любовь!

Вы выглядите так устало,
И смотрите на светофор,
И руку вашу, как-то вяло,
Мне подаёте. Я, как вор,
Её беру, слегка касаясь
Губами пальцев, будто встарь.
И вижу, что горит зелёный,
Путь разрешающий, фонарь.
И мы идём по переходу,
И так отратно мне, что вновь
Мы в тайне от зевак, прохожих
Болтали с вами - про любовь!..

ПРОЗА

Анатолий Байборodin

ПИСАТЕЛЬСКИЕ БАЙКИ

Брань

Или как я защищал Распутина

Потеха вышла, когда я был ещё студентом прохладной жизни, как ворчала мама, которая переживала, что я от учёбы и сочинительства свихнусь или сопьюсь. А такая напасть стерегла ... И вот о ту шалую мою, вешнюю пору в Иркутске шумело совещание молодых сибирских писателей, которое закружило их, словно в хмельной, ревучей, перекатистой, омутной реке. Те, кого Бог талантом не обидел, да ещё вёрткие, прыткие, благополучно миновали перекаты и омуты, а уж тихим да бесталанным, тем досталось, хлебнули горькой водицы вдосталь.

На совещание прикатили и мои земляки, а среди них — и поэт Володя Липатов, с которым до Иркутска куролесил я в родных забайкальских степях. Гостевали они в "Сибири", что обгорело красуется нынче против нашего университетского корпуса. И вот осенним вечером, когда позимный стылый листодёр рвал с тополей жухлый лист, когда *влекло в тепло*, я и забурился к своим землякам на огонёк.

Робко, — живые писатели! — стеснительно вошёл в номер, где обитал Володя Липатов, а там уже земляки кучкуются: дым коромыслом, вино рекой, где плавает ржавая селёдка, — закусь.

Пьют сумрачно степные мои поэты и прозаики, уже благополучно распетрушенные иркутскими писателями, что верховодили на том совещании.

Приняли меня радушно, хотя и не усадили за стол, — некуда было, и я со скрипом притулился на краюшек липатовской кровати. Но налить-налили... Опять же робко, стеснительно пью, селёдку нюхаю, и, разинув рот, слушаю, — в кои-то веки выпиваю с живыми писателями. А тут Володя Липатов выманивает меня в коридор и ведёт к Толе Кобенкову, который прославился на том совещании.

Толя, утопая в мягком кресле, купаясь в славе, смачно курил трубку, а на подлокотнике восседала голубка, — похоже, муза. Посреди разоренного стола приманчиво топорщились две бутылки с недопитым вином.

— Проходи, старик, налей сам, выпей, — по-свойски пригласил Толя, но из кресла не воспрял, не покинул музу.

Володя, высокий, породисто благородный, по молодости смахивающий на Александра Блока, поклонно ссутулившись, прошёл к столу. Ну, и я следом — на дармовщину и уксус сладок. Церемонно подняв граненый стакан, словно хрустальный бокал, Володя восхитился стихами Кобенкова. Выпили, и, чуя, что поэту нынче не до нас, — муза посетила, — тут же и пошли вон.

А земляки мои, непроглядные в табачном чаду, гудели, словно осы в гнезде. Кто-то уже затянул нашу родную бурятскую:

*Вышла бурятка на берег Уды,
Бросила в воду унты...
Дунай, Дунай, а ну, узнай,
Где чей подарок...*

А как прознали мои земляки, где мы с Володей гостили, тут же и обсмеяли стихи Кобенкова. Таков уж наш брат, сочинитель... Потом наперебой стали хвалить друг друга. И чем больше пили, чем жарче орали мои земляки, вчера и сегодня в пух и прах изруганные на совещании, тем гениальнее и гениальнее становились в глазах друг друга. А когда Володя Липатов, которому крепко досталось на совещании, прочитал... почти пропел свои стихи, мужики и вовсе ошалели: дескать, куда там Марку Сергееву до таких стихов!.. Бездарь!.. а ещё и критику наводит... Да тебе, Володя, ни один иркутский поэт в подмётки

не годится... Тут еще грамотный, но окосевший поэт стал величать его вторым Блоком и третьим Пушкиным. Вторым он считал себя. Володя, грустно и смущенно улыбаясь, вяло сопротивлялся: дескать, ну, это уж лишнее...

За поэтами впряглись в разговор и прозаики. Скуластый степной земляк стал костерить Распутина, в семинаре которого и завалили его повесть.

— На первое обсуждение совсем не пришёл, — разорялся степняк, — на второе пришёл без рукописи и говорит: "Это не рассказ и не повесть, а хрен знает что..." А рукопись не вернул. Присвоил!.. Использовать хочет. Но я на него управу найду. Жаловаться буду... Сам-то кого пишет?! Барахло...

Сдруженные застольем мужики, согласно поддакнули. Я уже охмелел и осмелел, а коль любил распутинскую прозу, то и заступился за Валентина Григорьевича: дескать, тебе до его таланта, как до синих небес... Слова мои прозвенели, как гром среди ясного дня. Опомнившись, степные земляки мои тут же накинулись всей ордой, вроде, жалея, что угощали иркутского шпиона, которого к ним подослали секреты выведать. Володя поскорбел: дескать, шибко уж быстро я родину забыл, иркутянином стал. А скуластый прозаик вскочил на ноги и эдак грозно мне:

— А ну-ка, паря, пошли в коридор, поговорим. Я тебе покажу Распутина...

— Не понукай, не запряг, — огрызнулся я и пошёл следом за ним в коридор.

Володя Липатов, кажется, хотел, было, нас охолонить, примирить, но кто-то властно осадил его: дескать, пусть мужики поговорят.

Разговор наш был простой: коль оба мы уже шатко держались на ногах и не могли мутузить друг друга, то сцепились бороться и тут же упали. Свившись в рычащий клубок, покатались по ковровой дорожке. Дежурная по этажу, завопив "караул", побежала звать милицию.

Скуластый земляк оказался не то что сильнее меня, — злее, и начал одолевать, и даже за горло ухватился. Я перепугался, но подумал, что за русскую литературу страдаю, и страх прошёл. Что бы уж вышло из нашей литературной дискуссии, Бог знает, но, слава Господи, на шум всё же выскочили писатели и растащили нас. Хорошо хоть водой не разливали, как собак.

Да, вот и такие мордобитные дискуссии в литературе случаются, можно сказать, брани.

ЗООПАРК

Бежит Ангара-дева от бабушки Байкала, — это так же ясно, как верно то, что любовь к творчеству нашего земляка Валентина Распутина была народной и яркой. Впрочем, и не увяла... Но... случалось и музейно-ротозейное любопытство. Раньше, когда залы набивались битком, то в потном воздухе, в суетной давке, в банном гуле азартных разговоров чуял мой нюх среди прочих запахов и некий «звёздный», зоопарковый: услышать бы голос!.. взгляд перехватить!.. пощупать!.. клок штанины оторвать!.. Вспоминают, как однажды Горький и Андреев в театральном антракте, прячась от свирепых поклонников, будто бы умыкнулись в буфет, но свирепые и там надыбали их. Нависнув над круглым столиком, свирепо восхищались: "Гли-ко ты, Горький-то!.. пирожное ку-сат!.. Андреев-то!.. мамочки родны, пива отхлебнул!.. Гли-ко ты, будто простые люди!.. "

Так вот, помню, закатили мы с поэтом Геннадием Гайдой в экономической академии вечер, заради творчества Валентина Распутина, и зал был полон холеных экономических девиц, которые, впрочем, скривили жгуче покрашенные рты, лишь прознали, что *самого* не будет. Гайда для зачина раздолбал бесноватую и лохматую *полу* (так мы обзывали Пугачиху, тогдашнюю попзвезду). Девушки загомонили осинным роем; которые посмелей кинулись, было, спасать родную *полу*, но Гайда сурово гаркнул: "Ну, выходите на свет, кто там защищает ее!.." Гомон уныло спал.

Я, смущаясь и косноязыча, толковал о народности распутинского творчества. Потом, отпыхавшись, утирая пот со лба, робко спросил: дескать, есть вопросы о народности распутинского творчества?.. Тишь гробовая. Наконец, разряженная в пух прах, экономическая девица, закатывая рассиненные глаза, томно вопрошивает: "Интересно вы говорили о творчестве Распутина, и поэтому у меня возник вопрос: скажите пожалуйста, а любовница у него есть?.." Я остолбенел... но тут же и одыбал, и, коль при случае тоже за словом в карман не лезу, то и ответил в лад: дескать, не знаю, девушка, но вы попробуйте...

Помню, расшумелась на всю ивановскую выставка наших доморощенных ивангардистов и абрамгардистов. Прихожу сдуру, пёстрый народ там густо роется: потёртая, потрепанная молодежь, крашенные старушонки, джинсовые старички... Интерес уже не музейно-ротозейный, — зоопарковый. Ладно, хожу, гляжу... Всякого дива нагляделся, пропади оно пропадом, но потешил меня долговязый, патлатый, прыщавый вьюнош, припёрший на выставку хиромундию из пивных заморских банок. Ходит с этой хиромундией, бренчит, звенит, бычок с медным боталом на шее.

— Это что, тоже искусство? — спросил я вьюноша. Тот прознал, что я писатель, и, звякнув банками, сладил умное лицо, потом ответил:

— Да, это искусство, как у вашего Распутина. Только у него одно направление, у меня другое.

ЕЛИЗАР И ДАРИМА

Давненько это было, сочинил я повестушку про любовь, — не к Вышнему, про эдакую я тогда слыхом не слыхивал, — а про ту, после которой ребятёшки рожаются. Вышла эдакая русско-бурятская, степная песнь песней, про то, как паренёк из забайкальских староверов (семейских, по-тамошнему) втрескался по самые уши в пригожую буряточку из древнего рода Хори. И она по нём сохла. У моих земляков, сочинявших двуязыкие любовные случаи, любовь, как полая вода, сметала национальные дамбы и запруды, в моей же повести вышло иначе, - корни оказались покрепче юношеской страсти. Но она была, хотя и сплыла...

Когда повесть вышла, Валентин Распутин при встрече похвалил:

— Пишешь ты, Толя, прямо как Лев Толстой...

В жар кинуло от эдакой похвалы, голова моя бедовая кругом пошла, но Распутин, лукаво улыбнувшись, тут же и остудил мой пыл:

— Правда, у Толстого в сносах переводы с французского, у тебя — с бурятского.

Может быть, эти распутинские слова и породили в моём воображении задумку издать «Елизара и Дариму» в родной Бурятии. В тамошнем издательстве обретался знакомый

редактор, родом из соседнего с моим бурятского села. В деревенской своей юности я, грешным делом, ухаживал за его сестрой, а другая, кстати сказать, вышла за русского парня и жила с ним душа в душу.

Редактор человеком был добродушным, выпивающим, и я решил, что договоримся по землячески. Окрылённый честолюбивыми надеждами, прилетел я из Иркутска в нашу солнечную столицу и прямиком к нему в издательство. Он сидел в своём кабинете, под хмельком, как обычно, и, взяв «Елизара и Дариму» стал нагонять на меня страху.

- У нас, Толя, строго... Евтушенко передал нам «Ягодные места», так мы там много правили, сокращали. Хотели отказать... А Геннадий Машкин приезжал, так мы с ним целую неделю (!) с его рукописью работали.

Тут он наплескал воды из графина, жадно выпил и продолжил:

- Многим писателям мы отказали. У нас строго...

Помянули мы с ним наши дедовы края, спросил я про его младшую сестру, да на том и распрощались. И вот, кажется, через полгода вновь я посетил степную столицу и, уверенный в удаче, радостно побежал к своему редактору. Тот, как всегда, был слегка выпивши, но, достав «Елизара и Дариму», надел очки и стал раздумчиво листать рукопись. Я уже почуял неладное, но обнадеялся, что отдаст на доработку, и уготовился слушать обстоятельное редакторское заключение. У него и был такой умный вид, словно он собирался прочесть мне лекцию про идейное и художественное содержание моей повести, и как её довести до ума. Но сказал он коротко:

- Не пойдёт?

- Почему?

- Бурятка русскому никогда...

И всё, и больше не слова. Вот тебе и рецензия... Я опечалился и отчего-то вспомнил, как мы бродили с его сестрой по берегу спящего, лунного озера и читали на память стихи Намжила Нимбуева.

Так и ушёл я, несолоно хлебавши, после такой житейской рецензии... Позже я издал повесть в книге «Воля», приехал с ней на премьеру в родное село и увидел диво дивное: мои земляки - русские и буряты - самодеятельные артисты, поставили на клубной сцене «Елизара и Дариму».

КАК Я ПОКОРЯЛ МОСКВУ

Крепко помню Всесоюзное совещание молодых писателей в Москве, где меня крепко «били». А прославились там мой добрый приятель, тигролов Толя Буйлов, - на экзотику клюнули столичные писатели, и ангарский поэт Старшов, - нужен был идейный комсомолец, рабочий-передовик. Старшову и поручили закрыть совещание; и помню, он всю ночь напролёт, не смыкая глаз и мешая нам гулять, примерял наши галстуки и зубрил речь генсеку Черненко.

Так вот, прилетел я в столицу, подле гостиницы нос к носу столкнулся со своими земляками-забайкальцами. Посиживают на крылечке, копят небо, соображают на троих. Чтобы не прогулять в номерах всё совещание, я тут же улизнул от них. Это каким надо быть забайкальским бараном, чтобы пить в белокаменной, когда годом да родом бываешь в ней, когда надо обежать пол-Москвы, распахать свои сочинения по издательствам и журналам, по именитым писателям. Вдруг отломится, вдруг не обломится... А то один мой приятель, забайкальский поэт, что отчебучил: прилетел в Москву на Всесоюзное совещание - честь-то какая! - и вместо того, чтобы бегать по журналам, как жучка, высунув язык, и стихи распахивать, так загулял, что лишь через неделю очнулся в улан-удэнском аэропорту и долго не мог вспомнить похмельной головой, по какой нужде в Москву летал. А за то, что водку пил и бревном валялся в гостиничном коридоре, комсомольские заправила отобрали у бедолаги карточку участника совещания и, купив билет в обратную дорогу, погрузили в самолет.

Смешно и грешно теперь вспоминать, как в глупые свои лета, я, сибирский катанок, неотёс деревенский, покорял Москву литературную. Хотя, у кого за душой водился дар Божий (или шибко уж ловкие), те, случалось, и покоряли. Может, и я бы вышел в люди, стал для Москвы приметным писателем, если бы продлились счастливые для русского искусства брежневские времена. Теперь же Москва (как и вся Россия-матушка), полоненная поганой нерусью, за семью печатями для захолустного писателя. Да и саму русскую литературу, как и всю нашу культуру, нерусь бесноватая, укравшая власть, оттеснила в трущобы и залила страну бульварными помоями. Астафьеву и Распутину крепко повезло, что побольше ухватили брежневских времён: издались миллионами, читались запойно, получали Геройские Звезды и нужды не знали. А начни они писать

сегодня, страна бы сроду не узнала, что народились эдакие писатели, и перебивались бы они с хлеба на воду, сторожкой да метлой, и читали бы их в сибирском захолустье одни библиотечные девчушки. Самих писателей еще надо заставить почитать собрата: моя, дескать, писатель, моя не читатель.

В старопрежние же времена нелегко было пробиться, но если уж прошиб московские ворота, то и будешь жить, как у Христа за пазухой. Но перво-наперво, надо пробиться...

Так вот и я, вынырнув из захолустья, хотел было смаху влететь в столичную литературу. Полетел для почину в журнал «Сельская молодёжь», поскольку я и был сельская молодёжь. Встретил меня столичный мальчуган, пахнувший французскими духами, и, даже не усадив, стал проглядывать мою рукопись. Один раз отчего-то вслух прочитал:

- Гумно... - и брезгливо сморщил напудренный нос, отчего я доспел, что он гумно путает с... ну, с этим самым, которое ему сдуру и приняхалось.

Потом мальчуган встал, подошёл ко мне и, белозубо, ласково улыбаясь, пожал руку:

- Поздравляю...

От радости у меня в зобу дыхание сперло, но мальчуган добавил:

- С неудачей.

И всучил мне рукопись, а я его обматюгал... про себя, конечно.

* * *

На том же совещании присмотрел я одного модного писателя, который служил в журнале «Юность». «Вот бы куда пробиться, пока ещё юный», - прикинул я, и стал охотиться за тем писателем, скрадывать его. Однажды почти добыл его, но опередила не по летам дородная и бойкая поэтесса с Украины. Хохлушка, - видная из себя и вырез чуть не до пупа, - могучей грудью прижала к стенке малорослого, лысеющего, с брюшком, "юного" писателя и, глядя на него сверху вниз пронзительно-синими глазами, пошла трандычить про свои стихи. И улыбается... Смотрю, бедный редактор уткнулся соловыми глазами в хохлушкину пазуху и уже невпопад кивает головой. Сопит одышливо. Тут деваха выудила из авоськи рукопись стихов и с игривым напором:

- Напечатаете в "Юности"?

- Напечатаем... - то ли прошептал, то ли сипло выдохнул истомлённый редактор.

Когда деваха отчалила, вертя хвостом, и я подрулил к мужику. Тот, еще не придя в сознание, путём не слушал меня, но когда я хотел было всучить ему рукопись, одыбал:

- Приносите в редакцию.

Ну, в редакцию, так в редакцию... Ладно, принёс. Взял он мою папку и, зевая, отмашисто шлёпнул её на поленицу рукописей, что городилась промеж книжного шкафа и письменного стола, которые уже, похоже, были битком набиты "нетленными" сочинениями юных "гениев".

- Оставь. По почте отправим... Хоть чемодан разгрузишь да колбасой затаришься московской. У вас в Сибири колбаска дефицит. А рукопись отправим, ты не переживай.

Не обманул, месяца через два отправил: дескать, вашим рассказам не хватает рядовой грамотности, не говоря уж о литературных качествах. Может, у вас еще какая профессия есть...

* * *

Года через два после того совещания пропечатался я в столице, оперился и прилетел по новой покорять Москву. Схлестнулся там с одним издательским редактором, насулил он мне с три короба, и я на радостях решил его винцом отпочевать.

По случаю рождения Есенина засиделись мы с ним допозна в тихой забегаловке; спохватились: всё, на метро я опоздал, и тогда мужик позвал к себе заночевать, - он жил поблизости. И вот, помню, я в шикарнейшей прихожей шнурки развязываю, стихи есенинские напеваю, а мой издатель пошёл жену предупредить: дескать, принимай, жена, гостя, всё на стол мечи, что в печи. И вдруг я слышу женское шипение:

- Ты зачем этого бича привёл?!

- А что особенного?! - задиристо отвечает издатель. - Бичи тоже люди.

Хорошо, не успел я обутки снять, а посему тут же тихо отворил дверь и вылетел, как ошпаренный. Иду по Москве, ночным цыганским солнцем палимый, - воистину бич бичом, - татей придорожных хоронюсь. Поймал такси, чтобы к сестре ехать, да там и рассчитаться. Не ночевать же под забором, хоть и московским.

Александр Гордин

НЕСУЩЕСТВУЮЩАЯ РУКОПИСЬ

(глава из поэмы)

Надо скорее открыть окно! – Открываю. Ночь освобождает меня. На небе – застывшая слеза луны. Где-то в глубине кленовой аллеи слышны шаги длинноногого ветра. На его голове широкополая синяя фетровая шляпа. В руках сетка, из-за тряпичной решетки которой сиротливо поглядывает, как пойманная бреднем в Ангаре звезда, бутылка добротного армянского коньяка.

- Здравствуйте, Ветер! Проходите! Мне так прекрасно одиноко и хотелось вас по-товарищески кое о чём расспросить.

- А тара найдется?

- Мои ладони подойдут?

- Вполне, - ухмыльнулся незнакомец, присев на один из стульев.

- Вы не встречали на Земле мальчика, которого когда-то звали Самсон?

- А разве вы не читали Библию? – между делом заметил Ветер, раскупоривая бутылку коньяка.

- Читал, но...

- Никаких «но»! – и вдруг таинственно добавил. – Дайте вашу руку.

Я, секунду посомневавшись, протянул ему свою ладонь.

- Что вы мне подаете!? – откровенно издеваясь, хмыкнул пришелец. А потом демонстративно приложился губами к бутылке и сделал несколько внушительных глотков, как будто в ней была обыкновенная вода, а он путник, которого несколько часов мучила жажда.

- Руку, - удивленно ответил я. И как бы делая одолжение, протянул ему свою ладонь.

- Господи! А я думал, что вы просите милостыню у входа в пивную, – продолжал глумиться незнакомец. – Даже руку подать не умеете, а еще спрашиваете – сначала научитесь слышать.

Не дожидаясь моего ответа или хоть какой-нибудь реакции на беспардонное поведение, Ветер протянул под самый мой нос бутылку и скомандовал: «Пей!»

Сделав, видимо с отчаяния, несколько больших глотков, едва переведя дыхание, выдохнул: «Я-а-а...»

- Велите позвать вашего адъютанта! – перебил широкошляпый.

- Адъютанта?! – в замешательстве ответил я. – Да у меня даже собаки нет!

- Вот это плохо. Очень плохо. И вы, в таком положении, смеете спрашивать, видел ли я Кешку-Самсона? – Просто глупо! – и, вновь обращаясь ко мне, еще сокровеннее и таинственнее, сказал: «Так дайте же мне вашу руку...»

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Я, как нечто самое сокровенное, подал руку. Он взял мою ладонь, продолжая неотрывно глядеть в мои глаза. Потом поднес ее к моему лицу и сказал: «Смотри!»

Я медленно перевел взгляд на свою ладонь. И увидел, спускаясь на крыльях ветра с ночного неба, костер в распадке. На алтайском таганке висит котелок, в котором закипает вода. Рядом с ним пристроился дядька и его ушастый пес, сладострастно принимающийся к запаху похлебки, варящейся из подстреленного накануне рябчика. Чуть поодаль сидит мама, сварганивающая из нехитрой походной снеди скромный ужин таежного путника. Черный хлеб, несколько малосольных огурцов, краснощекие помидоры, ломтики душистого сала с чесночком, ну и, конечно, фляжка с чистым спиртом.

...А вот, кажется, и похлебка поспела. Мама выкладывает мясо на импровизированный стол. Разливает суп по железным мискам. Через некоторое время ягодники, убаюканные монотонным ворчанием костра, согретые бродящим по жилам спиртом, свернувшись калачиком, уже мирно дремлют. И им так же уютно в этом таежном распадке, как дома, в поселке Облепиха, у русской печки. Потому что они, сорокалетние, еще не старые, но уже и не молодые люди, пусть на несколько часов – смогли вернуться в детство. Соединиться с природой, стать частицей своего благодатного края, который выпестовал их своей ягодой, грибами, дичью, рыбой. Который позже примет их в свою запашистую землю, бережно укроет их тела тенями берез, сосен и кедров.

На спящих людей торжественно и величаво смотрели августовские звезды. Легкий ветерок осторожно дул на тлеющие угли костра. В горбовиках перешептывались еще теплые ягодки черники.

Мне захотелось подойти к маме и поправить сползающий с её плеч наш старый походный прорезиненный плащ. Погладить её бронзовые от загара руки. Легонько дотронуться до седых кудрей, бережно спрятанных под платком. Но сделать этого не смог. Тогда сначала тихонько, потом чуть громче, стал звать: «Мама!» Но не услышал собственного голоса.

Обессиленный от своей беспомощности, встал на колени и почувствовал, как по лицу струятся слезы. Вдруг откуда-то, мне показалось, что изнутри меня, сначала зазвучала странная музыка, а потом слова.

*У мотылька есть крылья.
У песни есть мелодия.
А я готов быть пылью
Твоею, Родина!*

*У неба есть безбрежие,
А ты – мое надгробие.
И жил я или не жил
Я позабыл, о, Родина!*

*Кому-то сновидения,
А мне из слов – рапсодия:
Ночные откровения
Твои, о, Родина!*

Музыка еще звучала, а я уже лежал, свернувшись калачиком, в лодке, которая слегка колыхалась на байкальских волнах. Подняв голову, увидел, что небо слилось воедино с озером. Звезды отражались в воде, и создавалась иллюзия, что лодка скользит по космическому пространству. Вдруг я почувствовал приближение кого-то. По мере того, как это чувство крепло во мне, все более усиливался ветер. Лодку раскачивало все больше и больше. Судорожно вцепившись руками в края бортов, я пристально всматривался вдаль. Вскоре на горизонте замаячил маленький огонек. Он быстро приближался. Еще через мгновение стало совершенно очевидным, что это женщина, одетая в длинную, до пят, белую ночную рубаху. В руках у нее подсвечник с горящей свечой. В идущей по волнам угадывалась знакомая с детства фигура. Сладко заныло сердце...

- Сколько лет мне, мама?

- Это знают звёзды да сердце мое. Ты очень подрос.

- Неужели, мама, так намного со вчерашнего дня?

- Время не имеет значения, сынок. Ты всё ещё во мне, пока я в тебе. Ты - моя *зимолость*.

- Мама, я очень люблю жизнь!

- Знаю. Это потому, что ты поскребыш и ещё не родился.

- Как же так? – Помнишь, у меня родимое пятно на левом колене? Ты разве забыла, что я однажды чуть не умер от простуды? А не ты ли меня учила рыжики отличать от волнушек?

- Полно, полно... Это ещё много раз будет – ты у меня очень способный...

- Постой! – догадываюсь, взяв руку ЕЁ в свои ладони. – А почему ты такая молодая?

Хочу поднять голову, но не могу. ОНА тушит свечу, и звёзды гаснут на небе.

Только в лодке, как в зыбке, светло и уютно. Она слегка раскачивается. У меня слипаются глаза. Сворачиваюсь снова калачиком, кладу руки под голову и слушаю дыхание своё. Оно медленно тает во мне вместе со словами колыбельной песни, которую поёт мне мама. А может быть, небо?

*Баю, баюшки, баю –
Спи у неба на краю.*

*Станешь добрым и хорошим,
Когда снегом запорошит.*

*Баю, баюшки, баю –
Дайте дитятку мою.
Я закрою глазки талые,
Поцелую в губки алые.*

*Баю, баюшки, баю –
Когда песню допою,
В зыбке красной ты качнешься
И на облачке очнешься.*

*Баю, баюшки, баю –
Дай мне рученьку свою
И – отверзнешь очи,
Жить достанет мочи.*

Ночь. Темная комната. У окна письменный стол, на котором стоит зажженная настольная лампа. В светящемся круге, сложив голову на руки, спит человек. Это я. Точнее, мое усталое тело. Отдохни немного, отдохни, пока я вновь не соединюсь с тобой...

Неспокойно. Где-то вдалеке звучит колокол. Я встаю, беру в руки скрипку, начинаю играть. После первой же прозвучавшей ноты отовсюду вспархивают сотни, тысячи бабочек, которые постепенно превращаются в снег. Неожиданно я оказываюсь на середине чистого поля. Усиливается ветер. Он треплет мои волосы. Рвет полы костюма, который пузырится на мне, как парус. Но я продолжаю играть. Неизвестная, но прекрасная музыка звучит импульсивно и трагично. Вдруг на скрипке рвутся струны. Сжав кулаки, я начинаю говорить, точнее, почти кричать.

*- Ветер!
Я слышу тебя.
Ты хотел научить меня молчать?
Так сделай же это!
Я не могу смотреть,
как кровь сочится из слов моих.
Ветер!
Дай мне силы обрести живыми близких и друзей.*

*Они умирают у меня на руках.
А я не умею их оживить.
Ветер!
Я не знаю, зачем жить,
и мне не жаль себя.
Но способен ли я тогда пожалеть других?
Ветер!
Я ненавижу тебя!
Прекрати, умоляю тебя, эту пытку!*

После этих слов я распахиваю дверь и выхожу на улицу. Бреду по городу, в котором бушует стихия. Дождь хлестко бьет по щекам. Ветер хватается за руки и ноги. Рвутся электропровода, брызгая снопами искр на землю. Охая, падают, как подкошенные, огромные тополя. Градом сыпятся на землю их тяжёлые ветки. Окна домов, витрины магазинов, превратившись в бубны, бьют тревожную дробь, которая, временами, прерывается звоном разбитого стекла. Небо соединилось с землей. Молнии рыщут по улицам. В душе у города темно как ночью.

Вдруг резко наступает пронзительная тишина. Вокруг ни души. Только большой черный нахохлившийся ворон угрюмо сидит на острие сломанного тополя, да где-то недалеко дятел выстукивает морзянку. Асфальт застлан толстым слоем листьев, перемешанных с ветвями. Вокруг вырванные с корнями деревья, некоторые из стволов повалены на крыши домов, другие «гостят» прямо на балконах, лоджиях, в окнах. Оставшиеся в живых растения выглядят убого и угрожающе.

Небо постепенно начинает светлеть. Сквозь черные лохмотья облаков всё чаще мелькает пронзительная синева. Но на улицах города по-прежнему никого не видать. Только я, мокрый и усталый, один на один, с толпою деревьев-калек. Вот знакомый подъезд. Вхожу под его арочный свод. Открываю дребезжащую деревянную дверь. Передо мной большая «неправильной» формы комната, имеющая эркерные выступы. Посредине её стоят два письменных стола. За одним из них сидит старинный друг по работе, который несколько лет назад разбился в авиакатастрофе под Иркутском. Это меня ничуть не удивляет. Я даже рад его увидеть снова. Как ни в чём не бывало, говорю: «Привет!». Сажусь за свободный стол и спрашиваю Леонида:

- Послушай, а что это за история про Самсона? Кажется, это что-то из Библии? Значит, ты должен знать.

Леонид, затаив улыбку, выгнув удивленно дугой бровь, делает вид, что вспоминает, а потом объясняет. Так обычно объясняют элементарные вещи детям. А, впрочем, это меня нисколько не злит.

- Самсон слишком доверял женщинам иной веры с ним. Одна из них стала причиной гибели многих людей. А вторая погубила его, хотя в него, в свое время, сошел дух Господень, и он был силен необычайно. Имя этой женщины – Долида. Жила она в Газе. По красоте ей не было равной среди филистимлянок. Молодая и красивая, она сразу же понравилась Самсону. Они полюбили друг друга. Но Долида считала, что Самсон принадлежит только ей одной. Гордыня обуяла её. Демон сделал её еще прекраснее. Самсон совсем потерял голову. И открыл ей тайну своей чудесной силы, которая заключалась в его длинных кудрях, лишившись которых, он должен был лишиться и силы, ниспосланной ему свыше.

Леонид замолчал. Внимательно и пристально посмотрел на меня. У меня возникло чувство непонятной тревоги. И всё-таки я нетерпеливо воскликнул:

- А дальше, дальше что было!?

- Дальше все было достаточно банально. Однажды Долида устроила роскошный ужин. Поставила на стол много хорошего вина, к которому Самсон питал слабость. Вечер был душным. Хор цикад так пел в долине, что, казалось, славную трапезу озвучивал хор первоклассных певцов. Долида выглядела особенно прекрасной и соблазнительной. Воздушные шелковые ткани придавали её телу, манящую притягательность. В её полных глазах горели тысячи свечей страсти. И ... ночью волос у Самсона не стало. А потом не стало и глаз: их выкололи волчары у обессиленного героя. Несчастливая женщина...

- Ты полагаешь, что она его любила?

- Полагаю? Конечно, а иначе, зачем бы она позволила его ослепить?!

- Постой, что-то я не пойму...

- Какая у тебя великолепная шляпа! – перебил Леонид. И, не спрашивая, надел её на свою, поседевшую на висках, голову. – Ты решил сменить имидж?

Я рассеянно, продолжая еще про себя диалог с ним, ответил:

- Знаешь, хотелось хоть что-нибудь противопоставить своей серости и серости других...

- Ну, и как – помогает? – и, не дождавшись ответа, Леонид надел мой длиннополый синий плащ. – Хочешь на себя посмотреть со стороны?

- Да-а-а... – протянул неуверенно я, угадывая в очертаниях своего коллеги знакомого - то ли человека, то ли духа.- Шляпа действует на работяг, как красное полотно на быка...

- Да? – уже серьезно, без иронии, спросил НЕКТО, глядя в упор на меня.

Некоторое время мы молча стояли напротив друг друга. Я узнал ЕГО! Сразу же зашевелились паруса штор. Где-то вдалеке голодным волком завывала вьюга.

- Это ТЫ! – воскликнул я.

В то же мгновение зазвучала русская духовная музыка. В комнате стало темно. Из-за штор появилась мама. Её одинокая фигурка высвечивалась лучом света, ниспадающего откуда-то сверху. Мама, не передвигая ногами, подплыла к нам. Дала каждому по зажженной церковной свече. Перекрестила. Пошла. Мы, послушно, за ней. Стены, как кулисы, раздвинулись перед нами. Спотыкаясь в темноте, я брёл за ней по пустынному городу. Вскоре мы оказались на берегу Ангары. Перешли по глади волн на Спасский остров. Еще одно движение - и мы уже среди корабельных сосен, аккуратно там, где когда-то собирали вместе с мамой сухие грузди и маслята.

Мама остановилась. Повернулась ко мне лицом. Осветила его свечой. Бережно причесанные кудри оттеняли загоревшую смуглую кожу. Тоненькие лучики морщин, разбегающиеся во все стороны от карих глаз, делали ее лицо похожим на иконный лик. От него веяло спокойствием и уютом. Я глубоко вдохнул в себя смолистый сосновый воздух, прикрыл блаженно глаза и только тут заметил, что рядом не было уже моего спутника. Впрочем, сейчас меня это уже мало волновало.

- Мама, расскажи мне о моей судьбе...

*- Жили-были на белом свете
Снежинка и солнечный луч –
Полюбили друг друга они...*

- Рассказывать дальше?

- Нет!

*- Жили-были на свете
Птица плавная и быстрая пуля –
Полюбили друг друга они...*

- Нет!!

*- Жили-были на белом свете
Мотылек и полночная лампа...*

- Нет, нет, нет!!!

Последний, отчаянный мой вскрик совпал с первым дробным аккордом грозы. Он прозвучал так мощно, что сосны, резонируя, задрожали, как тростинки, на протяжении многих километров от того места, где происходил наш разговор. От порывов ветра лесные цветы побросали свои лепестки, а трава в испуге прижалась к Земле. Вихрь, образовавшийся из цветков багульника, был очень сильным. Я на мгновение потерял маму. Когда розовая вьюга начала утихать и обозначились контуры женской фигуры, бросился к ней, чтобы прикрыть собой её от разгулявшейся непогоды.

Но, едва коснулся желанной руки, понял: передо мной ОНА. Мама исчезла так же внезапно, как и появилась. Так, вдруг, наступает утро. Кажется ещё только мгновение назад, в темном лесу у тебя за спиной шептались лесные духи. Прислушиваясь к их голосам, ты отчетливо слышал каждый шорох своего сердца. Костер устало, в полудреме еще разговаривал с тобой. И вдруг – резкий вскрик чибиса. Потом звонкий колокольчик жаворонка где-то высоко в небе. Солнце ещё не взошло, но через бледно-розовую проталинку на Востоке хлынули первые потоки белого света, перемешанные с утренней прохладой. Это сигнал для миллионов божьих тварей к очередному рождению. Даже Ангара в такие минуты начинает плескаться волной веселей. А птицы так радуются, что, кажется, на землю с небес спустились тысячи ангелов. Когда первый луч солнца скользнет по бледным речным волнам, пронзая поднимающийся от водной глади туман, всё живое и сущее начинает исполнять гимн жизни. А ты стоишь, стряхнув остатки сна, среди этого великолепия и, чуть захмелев от своей сопричастности к этому торжеству,

чувствуешь себя, босой, продрогший, как правило не совсем сытый, счастливейшим из счастливейших.

Примерно такие же чувства овладели мной и в этот раз. Я широко раскрытыми глазами смотрел на своё недосягаемое божество. Её лучистые глаза, полуулыбка, утонченный овал лица, неловкая хрупкость едва сформировавшегося женского тела, прикрытого воздушной тканью, а, может быть, просто неисчислимым количеством маленьких, розовых мотыльков-цветков багульника - совершенно лишили меня возможности думать. Стало так легко, легко. И мы, взявшись за руки, воспарили. Какие-то секунды понадобились нам, что бы оказаться на строительной площадке центрального купола недостроенного храма. Город еще окончательно не проснулся. Мы, ничего не объясняя друг другу, некоторое время молча смотрели вокруг.

Вот первый трамвай, гулко громыхая на стыках рельс, помчался в сторону градообразующего предприятия. От городского отдела внутренних дел, находящегося недалеко, отъехал воронок. Из решетчатого окна выглядывала хмурая, небритая физиономия арестованного. В его тоскливых глазах читалась откровенная зависть к бездомным облезлым кошкам, свободно шмыгающих из-под колес автомобиля. Около кафе, находящегося прямо напротив церковного прихода, хлопотала подметальщица. Экипированная традиционными орудиями труда, она казалось сверху этаким воином, который, с метлой-пикой наперевес, в одиночку сражается с нагловатыми воробьями, почуявшими остатки пищи около парадного крыльца местной забегаловки. Чуть поодаль, за башенками, стоящими на входе в курорт, виднелась Ангара. Странно, но вдруг с этой стороны донеслись отчетливые звуки утренней российской радиопередачи, сопровождаемой бодрим маршем. Через мгновение из-за крон деревьев появилась уютнообразная корма баржи, и всё стало сразу ясно. Неугомонный речной флот таким образом делал побудку населенному пункту, который в столь ранний час оказался у него на пути. Мы весело переглянулись. Она произнесла:

*- Я - Земля,
А ты – теплый дождь.
Поцелуи твои прохладные
Просочились в меня...*

Я непроизвольно ответил ей, не узнав свой голос:

*Я хотел быть лучом,
чтобы только лишь коснуться уст твоих.
Безнадежна и безбрежна была моя тоска по свету,
звучащему в полночной листве и в кристалликах рос.*

*- Я хотела лишь руку подать.
Поделиться безумством бездомности.
Было место одно лишь на качелях кочевий моих.
В узелках моих дней было столько тоски,
что фонарик ночной моей комнаты был открыт
и для странствий, и для странностей, и для странников.
Пили чай мы...*

*- Помню!
Как вдруг ветер в комнату нашу шагнул.
И – потоки сияющих слов!
И – пространство оживших картин!
Подсознания – вуаль!
Флейта тихая чувств!
Разум – ангел с небес.
Грязный, грубый, животный мир –
превратился в полночную серенаду босого барда.
Я хотел быть тенью твоей,
не понимая еще, как мучительна роль безмолвного пленника!*

*- Я хотела узнать, как рождаются ливни.
О чем думает птица, паря над землей.
Где ночуют солнечные зайчики.
Кто сочиняет музыку снегопадов.
Откуда мне было знать, что прикосновение луча
обрекает на мученичество светить!?
Нас было слишком двое в ту ночь...*

Дальше уже не совсем понятно было, кто и что из нас говорил. Да и говорил ли вообще? Может быть, это бормотали наши руки, волосы, соединившиеся губы, перестукивались сердца?

*-... Да-да. Так мы умираем.
-... Да-да. Так мы рождаемся!*

В это мгновение наши голоса окончательно слились и, как кристально чистый таежный ручей, журчащий в распадке, зазвучали негромким, грудным колоколом, тоскливый, неземной голос которого слышно далеко окрест.

*Изнемогающим от снов,
Посеянным в расщелинах вселенной,
Звучит: «Да, здоровствует **ЛЮБОВЬ!**» -
И будет светел лик их непременно.*

*Надевшим на себя ночной покров,
Не видящим иные откровенья,
Звучит: «Да, здоровствует **ЛЮБОВЬ!**» -
Как клятва сотворения.*

*Изверившимся в тайне слов,
Гурманам сладостных мгновений,
Звучит: «Да, здоровствует **ЛЮБОВЬ!**» -
Как вызов на дуэль без промедленья.*

*Для всех блуждающих умов
Из света в тьму, от мрака до рассвета,
Звучит: «Да, здоровствует **ЛЮБОВЬ!**» -
В которой скрыты все ответы.*

Слившись в объятиях с НЕЙ, я уже не ощущал себя чем-то отдельным. Мы растаяли, как снежинка на теплой ладони. Два белых голубя вспорхнули с недостроенной колокольни и устремились ввысь.

И вот меня уже нет. А город мой любимый, растрёпанный, чумазный, но родной – продолжает жить своей размеренной жизнью. Старушки так же толпятся в очередях у магазинов, в надежде купить дешевле косточек, яиц, хлеба. Мужики в пивных решают за кружкой пива проблемы российского уровня, по ходу матеря политиков и своих местных хозяев. Пацаны около облезлых подъездов бренчат на гитарах свои первые песни, выдавая их за народные. А героини их сидят рядом на лавочке, лузгая семечки. Ежедневно на подмостках улиц разыгрываются

десятки драм, комедий и трагедий. Кто-то кому-то заехал в физиономию. Кто-то признался в любви. Кто-то травит байки. Бездомные кошки, собаки, нищие роются в мусорных контейнерах. Проститутки и их сутенеры, наркоманы и милиция исправно дежурят по ночам, карауля своих клиентов. Добропорядочные семейства по вечерам собираются за столом съесть свою тарелку супа, что бы потом, разморёнными от этой нехитрой еды, на рекламной паузе мирно задремать у телевизора.

Милая, бестолковая, пьяная, наивная, открытая для прощелыг всех мастей, моя малая Родина! Пройдут века, а твое доброе, простодушное лицо, прокалённое сибирскими морозами и ветрами – останется таким же. В этом твоя сила, и в этом слабость. Одно поколение будет сменяться другим. Изменится всё вокруг: природа, техника, архитектура, культура, и лишь одно останется неизменным – размышления человека о жизни, смерти и его неутолимая жажда ЛЮБИТЬ и быть ЛЮБИМЫМ.

Поэтому сейчас, когда меня уже нет, я обращаюсь к своему таинственному незнакомцу, моему двойнику, который, конечно, будет жить вечно, но уже с другими и в других.

Ветер!

Я слышу голос твой, ветер! –

Ты зовешь меня вдаль.

Как она называется?

Смерть, вселенная, вечность...

Жаль, что жизнь прожита,

А в кармане только один

Чёрствый сухарик стихотворения,

Солёный от слез последней

возлюбленной.

Но я ещё жив – я умею любить...

Ветер!

Ты – дыханье моё.

Так мучительна жажда полёта,

Что боюсь, разобьюсь во сне.

Я – ветренный человек.

У меня ветер в голове.

Иду, куда ветер подует.

Открыт для всех ветров.

*Ищу ветра в поле.
Когда безветрие на душе –
Штиль сердца.
А безверие - всегда от безветрия.
Моя вера – ветер.
Невыносима жизнь
С одним крылом тени.
Но я ещё жив – я умею любить.*

*Ветер!
Кто похвастаться может,
Что держал тебя гордо в руках?
Я решето таскаю воду
И ситом просеиваю ветер.
Славное дело для всех ветреных голов,
Воображающих себя ветряными мельницами
Способными летать... Рекомендую -
Великолепный двигатель души!
И я ещё жив – я умею любить.*

*Ветер!
Усталый вечер
Устами светел.
Когда в безумной тишине
Мой Ангел словом меня метит...
Я жду тебя,
Как женщину ждет мужчина.
Парус женщины – мгновение неба.
Парус неба, как парус женщины,
Серым и скучным становится в штиль.
А звезды всегда впереди.
Но я ещё жив – я умею любить.*

О, ветер!

г.Усолье-Сибирское.
2005 г.

ПУБЛИЦИСТИКА

Виталий Зоркин

**ХАМАР-ДАБАНОВ, БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ... И
«ПРОДЕЛКИ НА КАВКАЗЕ»**

«Закубанский карамзада»

Или история книги «Проделки на Кавказе»

Делая критический разбор русской литературы, В. Белинский, говоря о журнальных новинках за 1842 год, отметил отрывок из романа Е. Хамар-Дабанова, напечатанный в популярной тогда «Библиотеке для чтения» - том 54, № 10 - под заголовком «Закубанский карамзада» (карамзада - по-черкесски - разбойник). А два года спустя роман этот был издан полностью под заглавием «Проделки на Кавказе» и с эпиграфом «Не любо - не слушай, а лгать - не мешай!». На обороте титульного листа было написано: *«Печать полагается. Москва. 18 марта 1844 г. Цензор Н. Крылов»*. И сразу же вызвал оживленную переписку и... жгучий интерес всей России. Говоря сегодняшним языком, он сразу же стал бестселлером. К сожалению, из 1200 выпущенных издателем экземпляров было распродано немного - тираж (оставшиеся 906 экземпляров) - конфискован. Чем же прогневал цензуру никому неизвестный Е. Хамар-Дабанов? Почитаем архивные документы

тех лет: 26 мая 1844 года начальник штаба отдельного корпуса жандармов Л.В. Дубельт писал министру народного просвещения С.С. Уварову:

*«Милостивый государь
Сергей Семенович!*

В типографии К. Жернакова отпечатана книга под заглавием «Проделки на Кавказе», сочинение Хамар-Дабанова. Как в этом сочинении является много сомнительных мест, которые не должны бы быть передаваемы читающей публике, и как книга сия поступила уже в продажу, сколько известно III отделению собственного его императорского величества канцелярии в Санкт-Петербурге в книжных магазинах Ольхина и у многих книгопродавцев в Москве, то я считаю обязанностью довести о сем до сведения вашего высокопревосходительства с тем, что не признаете ли вы, милостивый государь, необходимым обратить особенное внимание на это сочинение». (ЦГИАЛ, Архив главного управления цензуры, ф. 772, оп.4, ед. хр. 14862, л.1.). В этот же день петербургский генерал-губернатор Кавелин отдал распоряжение отобрать все находящиеся у книгопродавца экземпляры этой книги.

По донесению петербургского обер-полицмейстера у Ольхина отобрано 906 экземпляров книги, остальные успели разойтись в Петербурге и Москве. Военный министр, князь Чернышев, прочел книгу, ужаснулся и, указывая на нее начальнику III отделения Л.В. Дубельту, сказал: *«Книга эта тем вредна, что в ней, что строчка - то правда».*

И завертелась карусель: через три дня С.С. Уваров направляет официальное отношение попечителю Московского учебного округа графу С.Г. Строганову, требуя изъятия из продажи «крамольного сочинения». И тут же в Санкт-Петербург вызывают цензора Н.И. Крылова, который подписал книгу в печать.

Задержавшись с приездом из-за болезни жены, цензор прибыл в столицу 8 июля. И сразу же поторопился к дому у цепного моста, где находилось III отделение. Через 10 дней шеф жандармов А.Ф. Орлов сам обращается к Уварову.

*«Милостивый государь
Сергей Семенович!*

Государь император высочайше повелеть соизволил: профессора Московского университета

Крылова за одобрение к напечатанию книги «Проделки на Кавказе» уволить от должности цензора на основании § 67 цензурного устава и сверх того, в пример другим, арестовать его при Московском университете на 8 дней. Вместе с тем его величеству было угодно повелеть учредить полицейский надзор над сочинительницей Лачиновой, и как, по дошедшим сведениям, у нее изготовлено еще много рукописей для напечатания, то на сочинения ее обратить особенно бдительное внимание. О сей монаршей воле, объявляя вашему высокопревосходительству, для зависящего исполнения, имею честь присовокупить, что на счет учреждения полицейского надзора за Лачиновой, я сообщил вместе с сим г. министру внутренних и начальнику 5 округа корпуса жандармов».

Уваров немедленно отреагировал - он разослал предписание «об особенно строгом» отношении к сочинительнице Лачиновой председателям Петербургского, Киевского цензурных комитетов и попечителям Белорусского, Киргизского и Одесского учебных округов. Цензор Крылов, несмотря на заступничество своего начальника графа С.Г. Строганова, был наказан, а сочинительница Лачинова (она же Хамар-Дабанов) была взята под полицейский надзор. «Что же это за книга, наделавшая столько хлопот первым сановникам империи? Почему Николай I, всегда охотно игравший в галантность, обрушил такие строгости на изделие дамских рук? И, наконец, кто такая сама Лачинова?» - вопрошал литератор А. Титов, опубликовавший в журнале «Русская литература» (1959, № 3, с. 133- 139) статью под названием «Александр Бестужев - герой забытого романа». Ну, о забытом романе и его герое мы поговорим далее. А пока давайте посмотрим, что же «откопал» о писательнице А. Титов, да и сам я не остался в стороне, изучая некоторые дореволюционные журналы и современные источники, где говорилось о забытом ныне романе, ставшем давно библиографической редкостью (Б. Смиренский «Перо и маска», М., 1967; Л. Добровольский «Запрещенная книга в России», М., 1964; «Исторический вестник», 1902, XI.; В.Г. Дмитриев «Скрывшие свое имя» (М., 1970) и т.д.)

Биографических сведений о Лачиновой сохранилось немного. Известно, что она была дочерью богача и камергера Петра Шелашникова, который довольно рано выдал свою дочь

за генерала Н.Е. Лачинова, в 1836 году переведенного на Кавказ. Современники заметили, что и в России, и на Кавказе Екатерина Петровна вращалась в основном в среде военных и литераторов, отличалась живым умом и красивой представительной наружностью. В журнале «Русский архив» за 1917 год (книга 1-3) я нашел весьма любопытные сведения о романе и об авторе: *«К числу так называемых «книжных редкостей» уже давно причисляется одно «любопытное издание», вышедшее под таким заманчивым названием «Проделки на Кавказе», сочинение Е. Хамар-Дабанова. Несмотря на свое давнее появление из-под печатного станка, названная книга и до настоящей поры является какой-то странной загадкой среди других произведений нашей литературы. Прежде всего интересна история появления этого оригинального труда. Книга написана племянницей кавказского помещика Реброва (заметим, что его хорошо знал М.Ю. Лермонтов - В.З.), бывшего там у Ермолова директором канцелярии; что эта книга возбудила внимание императора, который прочитав, сказал военному министру Чернышеву: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза». Но всего замечательнее то, что по одному экземпляру книги было препровождено от Чернышева Головину и Коцебу, - к лицам, в книге выставленным...Нельзя не обратить внимания и на любопытную личность истинного автора «Проделок на Кавказе». Скрывшись под псевдонимом Хамар-Дабанов, заимствованным от названия горной цепи в Иркутской губернии и в Забайкальской области, эта, по выражению Сенновского - «даровитая русская дама», долгое время оставалась в тени, как будто сама не желала открыть свое настоящее имя и действительную фамилию. Под этим псевдонимом - генеральша Екатерина Лачинова, рожденная Шелашникова».*

Реакция властей на роман «Проделки на Кавказе», вероятно, встревожила автора, потому что она обратилась к шефу жандармов А.Ф. Орлову с письмом: *«Любезный граф! Когда во время моего последнего пребывания в Петербурге, в нынешнем мае, я узнала о запрещении моего сочинения, озаглавленного «Проделки на Кавказе», я была далека от мысли, что навлеку на себя неудовольствие его величества... Опыт прошлого доказал, что именно литература прославила царствование Екатерины II и Людовика XIV... Я слышу со всех*

сторон о том, что современной русской литературы не существует. И именно это, граф, заставило меня взяться за перо - без тщеславия, но исполнившись патриотизма и национальной гордыни. Мое первое произведение было запрещено. Если оно не понравилось его величеству, умоляю Вас повергнуть к его стопам выражение моей глубокой скорби и исходатайствовать для меня высочайшее прощение, чтобы его величество удостоило принять во внимание вдохновлявшие меня чувства, а не пристрастные толкования, которые могут быть представлены и содержать точку зрения, целиком чуждую моим мыслям. Граф Строганов, которого я упросила удостоить меня разговором, высказал подозрение, что я была руководима в этом сочинении кем-то, враждебным к правительству. Я вас уверяю, любезный граф, что никто не участвовал в моем труде, и если я частично использовала ежедневные беседы, которые имела со многими нашими кавказскими офицерами или даже черкесами, и несколько заметок об экспедициях, данных мне двумя офицерами, один из коих позднее погиб на дуэли, а другой, как храбрец, на поле боя, то все-таки никто из них не участвовал в моем труде... Все, что я могу еще добавить, это то, что я руководилась чувством личной мести, выводя некоторые характеры, списанные с натуры, но эти персонажи столь малочисленны и столь незначительны, что, конечно, они не могли привлечь к себе внимание».

Титов, который обнаружил в архиве это письмо и перевел с французского, верно, считает, что оно, по существу, представляет собою хорошо продуманную защитительную речь. Исследователи и автор «Кавказских этюдов» Е. Вейденбаум, и наши современники - в двух офицерах, которые «помогали» заметками об экспедициях узнают хорошо знакомых Е. Лачиновой - М. Лермонтова и А. Бестужева-Марлинского. Обоих к этому времени не было в живых.

Что же так испугало власть имущих в этом произведении? Титов верно замечает: *«Лачинова нарисовала мрачную картину произвола и продажности царской администрации на Кавказе, показала бездарность многих генералов, прикрывавших свою неспособность руководить войсками, реляциями о «победах», невежественность и развращенность местного офицерства».*

Это поняли и военный министр Чернышев, и граф Уваров, который в отношении на имя Строганова (от 29 мая 1844 г.)

указал на страницы книги, *«закрывающие в себе подробности частной и служебной жизни, которые не должны быть представлены читающей публике»*. И именно по причине их правдивости. Да, Лачинова черпала свои наблюдения из окружающей ее действительности. Отсюда и достоверность описываемых в романе событий, которые происходят в разных местах - в Москве, в горах за Кубанью - рекой, в Ставрополе, на курортах Пятигорска, Кисловодска. Один из критиков, отвечая на вопрос, что же послужило причиной конфискации книги, ответил: *«Прежде всего - правдиво изображенные нравы царской военщины, «усмирявшей Кавказ», и теплое, человеческое отношение автора к «иноверцам-туземцам» (даже грозный карамзада уважаем им за «дикую честность»)*. Это написано в 70-х годах XX века. А вот что писал о романе некто В. Логинов в *«Историческом вестнике»* за октябрь 1902 года: *«В повести... дано яркое и живое описание кавказского общества 40-х годов (XIX века), сосредоточившегося главным образом в Ставрополе, представлены резкие характеристики тогдашних кавказских деятелей, живо обрисован тип так называемых «фазанов» - молодых богатых людей, в большом количестве собиравшихся в это время на Кавказе в погоне за легкой наживой, легким счастьем и поднята, наконец, слегка завеса над тем, что творилось тогда на Кавказе»* (с. 336).

Теперь несколько слов о главном герое. Известный специалист по Кавказу Е. Вейденбаум в книге *«Кавказские этюды»* (Тифлис, 1901, с.309): *«В одной из прикубанских станиц живет капитан Александр Пустогородов, командующий сотней линейных казаков. В молодости увлекался ролью политического заговорщика, был разжалован в солдаты и сослан на Кавказ. Храбрость, способности и усердная служба вывели его опять на дорогу. Но вскоре времена изменились: прежние начальники, знавшие и ценившие его заслуги, уступили место другим. С ними являлись новые взгляды, новые требования, с которыми Пустогородов не мог и не хотел примириться. Правдивость в донесениях, защита интересов подчиненных и населения приобрели ему репутацию человека беспокойного и строптивого. Начальство отвернулось от него и оставило прозябать в казачьей станице»*. Е. Вейденбаум предполагал, что в образе Пустогородова выведен Евдоким Емельянович Лачинов, член Северного общества декабристов, разжалованный и сосланный на Кавказ.

Потом появилась версия иная. Приведя несколько отрывков из переписки А. Бестужева-Марлинского, из которых становится ясно, что Е. Лачинова имела с ним какой-то роман, Попов, автор, на которого я часто ссылаюсь, утверждает: «Таким образом, в биографию Е.П. Лачиновой входила фигура уже более крупная и интересная, чем ее деверь, и фигура эта - А. Бестужев-Марлинский. Именно он послужил прототипом Пустогородова. Но если Пустогородов - герой у Лачиновой положительный, то вот как она описывает других. Вот подходит к Пустогородову только приехавший некто Забудыгин, здоровается, а далее такая следует сценка, описанная Лачиновой: «- Я только что приехал, все в карты играл: обыграл вот этих молодцов. Тут Забудыгин указал на целый рой офицеров разных полков, задумчиво ходивших по зале. Со вчерашнего дня они не брились, не чесались и не мылись: а это придавало им преразвращенный вид. Наконец, все они уселись с Забудыгиным обедать. Вскоре среди них возник ужасный шум... В это время вошел какой-то офицер. Его уговорили играть в биллиард с Забудыгиным. Они стали играть по сто рублей за партию...Забудыгин, едва держась на ногах, не попадал в шары». Читатели могут подумать, что Лачинова сгущает краски. Но вот строки из писем А. Бестужева-Марлинского брату Павлу 25 февраля 1832 г., он пишет: «Нигде в мире не находил я пустее офицеров, как в кавказском корпусе. Не говоря от Европы, да уж и от России отстали на век. Ну, право, руки опускаются с ними говорить». В другом письме читаем: «Трудно себе вообразить, что за поведение! Надобно или жить с ними или терпеть от них!» Вот еще отрывок из книги Е. Лачиновой, характеризующий офицеров, служащих на Кавказе.

Прочитав фальшивую реляцию, один из офицеров, черкес по происхождению, заявил товарищам, что будет жаловаться. «Сделаешь только себе во вред, - промолвил Пустогородов. - Каким же образом? Разве я не имею явных, неоспоримых документов, что это все лишь жалкое вранье?»

Оно так! Да ведь это донесение пойдет от одного начальника к другому, следовательно, увидев вашу жалобу, всякий из них сознаться официально... в обмане. Притом все прикомандированные читали донесение: их мнения всегда поддерживать написанное.. .Кончится тем, что вы останетесь в дураках, приобретете много врагов»...

В романе «Проделки на Кавказе», наряду с декабристом А. Бестужевым-Марлинским, действуют лица из окружения М. Лермонтова - Л. Пушкин, лицейский товарищ А. Пушкина, друг Лермонтова К. Данзас (в романе - Адаме), князь В.С. Голицын (в романе - Галицкий), начальник кавалерии чеченского отряда, вместе с которым Лермонтов участвовал в битве при Валерике в июне 1840 года, и даже... Грушницкий. Но об этом пойдет рассказ в следующей статье, одним из главных героев которой будет «воскресший из мертвых» Грушницкий.

Владимир Семнадцатый

ИРКУТСКАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

К концу зимы наваливается какая-то усталость, и не только физическая. С нетерпением ожидаешь первых теплых солнечных дней для выезда на дачу. Наконец эти долгожданные дни наступают. И вот я ожидаю свою пригородную электричку маршрута Иркутск-сортiroвочный-Слюдянка.

Позади - городская суета, выхлопные газы нездорового городского воздуха, сладкая отравка домашнего телевизора с его назойливой и зачастую неуместной рекламой, многокилометровыми сериалами и многочисленными шоу, в которых не редкость - откровенная пошлость; окончательно «достали» предвыборные речи кандидатов на разные хлебные должности; не хочется вспоминать мерзости черного и белого пиара самих выборов.

Подальше, подальше от всего этого - на природу, на дачу!

С любопытством разглядываю своих попутчиков по электричке. Часть из них читает, часть беседует, многие смотрят в окно, а некоторые, как и я, с интересом наблюдает за вагонной жизнью.

Вагон электрички - это особый мир, живущий по своим законам, где можно почерпнуть немало занимательного и поучительного.

Большинство на этих утренних электричках - дачники. Надо сказать, что дачники, особенно пенсионеры, люди законопослушные и редко среди них встретишь безбилетника. А

вообще, по моим наблюдениям, проблема проезда зайцем имеет свои способы решения. Можно, например, притвориться очень пьяным и никак не реагировать на обращение проводника-ревизора, или сказать ревизору, что, пока вы пили пиво, ваша жена отстаивала длинную очередь в кассу и едва успела заскочить в последний вагон, а к вам еще не успела подойти, или резко подняться и быстро пройти мимо ревизора, делая вид, что вам надо срочно выходить, или, наконец, просто сказать, что нет денег, и если вам за 55-60 лет, ревизоры могут пройти мимо. А один мой знакомый при проверке билетов просто показывал красные корочки, а когда я попросил его развернуть их, то обнаружил там игровую запись: «Заяц».

Но стоп-остановка Мельниково, где стоянка 2-3 минуты. Я сидел у тамбура. Напротив меня садится довольно приятная женщина бальзаковского возраста с удачно наложенным макияжем. Заходившие пассажиры громко спрашивали: «Кто сумку в тамбуре поставил?». Хозяина сумки не находилось. В это время сидящий рядом мужчина резко двинулся к переговорному устройству и сообщил машинисту о сумке. При этом он нечаянно как-то неудачно задел сидевшую напротив меня даму. Она неожиданно выдала такой комплект ненормативных речевых оборотов, что у меня стал пропадать к ней интерес. Скоро подошел помощник машиниста и взял сумку, в которой оказались ягоды. По громкой связи было объявлено по всему составу о сумке и о том, что ее хозяин может забрать у машинистов.

Мужчина все извинялся перед женщиной и объяснял ей, что сейчас много террористов, и о сумке необходимо было срочно сообщить. Женщина продолжала бурчать, и у меня к ней окончательно пропал интерес.

Электропоезд тронулся.

По большей части дачная публика - это дедушки и бабушки, часто с внучатами того возраста, когда за них еще не надо платить, а радости и утешения они могут доставить предостаточно. Полюбуйтесь на общение дедушек и бабушек со своими внучатами, и вы как будто окунётесь в атмосферу доброты и любви. А с какой теплотой и вниманием везут дачники на участки своих кошек и собак! От созерцания всего этого возникает у меня так необходимое в наше время ощущение умиротворенности и доброжелательности. Удивительные примеры жизнестойкости, самообладания и трудового героизма подают нам женщины, продающие газеты в тяжелых сумках,

мороженщицы, упорно продирающиеся через вагонную тесноту со своими нелегкими коробками, или проводники и ревизоры, которым за вредность вообще полагается молоко. Обычно в утренней электричке видишь приветливые, вежливые лица проводников и ревизоров, а на вечерней электричке зачастую их лица, да и вся фигура выглядят весьма усталыми, даже какими-то поникшими. Я думаю, что те из них, кто начинает и заканчивает свой трудовой день с улыбкой, достойны правительственной награды. Поневоле приходит понимание, почему мы победили в Великой Отечественной войне, при таком надежном тыле, обеспеченном женской жизнестойкостью.

Остаются в памяти маленькие концерты в вагонах электричек. Раньше это было уделом ребятишек 6-10 лет, очень похожих на беспризорников времен Гражданской войны, которые разрывали сердца сердобольных пассажиров своими блатными, жалостливыми песенками. Исполнение при этом было такое, что им иногда платили только за то, чтобы они не пели. Давно я уже не вижу этих ребятишек. А дают концерты сейчас молодые люди и неплохо исполняют на своих инструментах народную и классическую музыку, а также так близкие сердцу пенсионера мелодии 60-70 годов. Говорят, что это подрабатывают студенты училища искусств. Послушаешь их, и рука сама тянется за мелочью в кошелек.

Особый контингент - это туристы, романтики горных перевалов и таежных троп. Это веселый, неунывающий народ. Всю дорогу они балагурят, распевают свои туристские песни, шумно собираются к выходу и на своей остановке дружно, как картошка из ведра, высыпают на перрон. Нередко встретишь среди туристов и людей пенсионного возраста, вид и боевой настрой которых вполне сойдут для рекламы здорового образа жизни. Особую симпатию вызывают компании семейных туристов, где молодые папы и мамы заботливо ухаживают за своими ребятишками 2-6 лет в ярких ветровках и с разноцветными рюкзаками самых немыслимых конструкций.

Таежники - это уникальное сословие. Горбовики, корзины, совки, ведра, топоры, котелки - это все их. Цель таежника - добыча природных даров. Туда они едут озабоченные (а вдруг едут зря!), ведут неспешные разговоры, вспоминая особо удачные выходы в тайгу. Это сословие иногда и не прочь пригубить в дороге, не задумываясь о том, зачем они нужны в тайге пьяные. Ночевать им приходится иногда на станциях, что не всегда безопасно, ибо могут зайти на станцию местные

наркоманы или агрессивные бичи. Уж лучше ночевать в тайге. По себе знаю, какое наслаждение доставляет сбор ягод и грибов. Сладко замирает ваше сердце при виде рясных темно-бордовых кочек с клюквой, сплошного ковра спелой брусники, кустиков голубицы, на которых не видно листьев, а лишь сплошная голубизна, или когда на счастливой грибной полянке рука устаёт срезать маслята, рыжики, грузди... И возвращаются таежники с горбовиками, корзинами, ведрами, наполненными ягодами, грибами, орехами.

Богата ещё наша тайга, хотя год на год не приходится - бывают урожайные грибные, либо ягодные, либо ореховые сезоны. Обожаю я тайгу. По себе знаю, что есть в ней какая-то необъяснимая сила, которая даёт отдых душе, успокаивает, умиротворяет. Ведь не даром многие боговерующие старцы для укрепления веры своей, для того, чтобы набраться ума и мудрости, уходили в лес, в тайгу и почитались святыми. Навсегда остаются в памяти ночевки у костра с добрыми товарищами, закипающий котелок с немудреной пищей таежника, задушевные, тихие беседы в отблесках костра, изумительный, ни с чем несравнимый аромат кедрочей, который в пору пить, и чистое ночное небо с удивительно яркими звёздами.

Но вот моя остановка, и я выхожу вместе с остальными дачниками, в основном людьми пенсионного возраста, а враз помолодевшая электричка помчалась дальше к Байкалу. Не очень любит, к сожалению, молодёжь работу на даче и предпочитает проводить своё время на природе в других местах.

Выйдя из электрички, я стал медленно подниматься в гору в своё садоводство. Догоняю двух ребятешек десяти-одиннадцати лет, которые ведут свои велосипеды. «А что же вы не едете?» - спрашиваю. «Мы котят несём», - отвечают. И, правда, один из мальчиков бережно прижимал к груди завернутого в майку котенка, другой аккуратно привязал к багажнику второго закутанного котенка. Мальчишки наперебой стали рассказывать, как они спасли котят из-под колёс машины, и что у них уже проявляется характер: один котенок - бойкий и шустрый, другой - смирный и спокойный. Ребята с большой охотой показали мне котят. Черные, пушистые и очень симпатичные живые комочки.

Нежность и чуткость к котяткам, гордость за своё участие в их спасении переполняли ребят. Я любовался ими и был

совершенно уверен, что родители у таких детей обязательно примут котят.

Отработав на даче, они возвращаются на свою остановку. Здесь у них под платформами живут ничейные собаки.

Попадают еще среди в общем-то порядочного дачного люда отдельные субъекты, которые могут выставить за ворота живущую с ними и привыкшую к ним псину. Ну да Бог им судья! Собаки обжились, грохота проезжающих поездов не боятся и даже обзавелись потомством. Ведут они себя мирно и лишь иногда рычат на проходящих на поводках ухоженных собак перронных пассажиров. Кормит их группа наших сердобольных дачниц. Неожиданно я оказался свидетелем встречи перронной собаки с такой дачницей. Сколько здесь было любви, ласки, обожания. Собака, если можно так выразиться, вся сияла от радости. Она прыгала, визжала и все норовила лизнуть дачницу в лицо. Женщина была тоже рада, сдержанно улыбалась, гладила собаку, попутно по-хозяйски снимая с собаки линявшую шерсть. Я спросил женщину о том, что же собаки едят зимой. Ее ответ поразил меня, и я лишний раз изумился душевной красоте наших женщин. «На зиму мы составляем график и по очереди приезжаем кормить собак». Это зимой-то. Когда на даче нечего делать, женщины в холод тратят три-четыре часа на то, чтобы накормить собак и обогреть их своим общением.

Я снова в электричке, возвращаюсь домой. День был праздничный. На остановке Дачная в вагон ввалилась группа явно выпивших молодых парней. Они шумели, громко разговаривали, изредка украшая свою речь непечатными выражениями. Не люблю я такие компании и уже хотел было пересест, но что-то удержало меня. Один из парней - самый крупный и самый пьяный - развалился на пустой скамье, выставив в проход ноги. На последующих остановках стали заходить дачники, в основном женщины пенсионного возраста. Некоторые из них просили этих парней уступить место. Неохотно, но парни уступали. Лежавший на сиденье и ворчавший, что ему отдавили ноги, парень поднялся и сел. Рядом с ним оказался тоже подвыпивший какой-то дачник. Сначала они громко о чем-то заспорили, а затем, видимо, понравившись друг другу, стали, на потеху пассажирам, распевать песни. Парни ехали до Гончарово. Видно было, что на них стало влиять общее миролюбивое, доброжелательное настроение усталого вагона дачников. Они понемногу успокоились, перестали шуметь, ругаться. Перед самым

Гончарово они все спокойно стояли в тамбуре, а их места занимали дачницы. Солист их группы тепло попрощался со своим новым знакомым. Мата слышно не было. И я был рад, что мое предчувствие чего-то нехорошего от этой компании не сбылось.

На очередной остановке в вагон тяжело поднимаются в своих оранжевых куртках дорожные рабочие. В основном это молодые люди. Хотя чувствуется, что день был для них нелегкий, их лица радуют своей здоровой свежестью и румянцем. Среди них встречаются и девушки, стройные, спортивные фигуры которых невозможно скрыть под рабочей робой. В руках рабочих тяжеленные кувалды, ломы и гаечные ключи необычайно больших размеров. И невольно испытываешь уважение к этим современным атлантам, которые в любое время года, в стужу и зной, при любом ветре и снегопаде несут свою нелегкую службу. Да, железная дорога требует к себе постоянного внимания, но такое же внимание требуется и к ее людям. По-моему, из всех модернизаций ручного труда в нашей стране механизация труда дорожных рабочих должна стать одной из главных.

Стук электрички мягко убаюкивает уставший вагон. Почему-то вспомнился мне один курьезный случай.

Однажды мне пришлось заночевать на вокзале в Тайшете. Утро. Сонные, квелые пассажиры потягиваются, зевают, понемногу приходя в себя от ночной дремоты. Я вышел в соседний зал посмотреть расписание электричек. Краем глаза вижу, как из зала ожидания очень быстро, почти бегом вылетает с большой сумкой на плече бичеватого вида мужик. Из сумки вываливается пачка чая, но мужик не останавливается, стремительно направляясь к выходу. Проходящий мимо пассажир, желая ему помочь, нагибается, поднимает чай и собирается передать его мужику. Он поднимает глаза и ... узнает свою сумку на плече мужика. Скандал. Вероятно, недремлющий бич упорно дожидался, когда кто-либо из сонных пассажиров выйдет размяться и оставит свои вещи без присмотра. Не удалось. Получив пару оплеух, бич отправился восвояси.

Соседи мои по купе оказались одними дачниками. Вообще дачники в электричке - это своя нация. Они коммуникабельные и легко вступают в разговор. В купе устанавливается удивительная и неповторимая аура, где царит доброжелательность. Я полагаю, что это результат нашего

дневного общения с матушкой-землей, с природой. Вас угостят плодами своих дачных грядок и ягодных кустов. Здесь можно получить бесплатную консультацию по уходу за растениями, договориться об обмене и приобретении редких саженцев, услышать последние новости дачного земледелия - это своеобразный дачный Интернет. Отрадно было узнать об органическом и биодинамическом земледелии, при котором земля не отравляется всевозможными пестицидами и минеральными удобрениями, а обработка почвы щадящая с применением особых препаратов; все это в значительной мере облегчает труд дачника, а его продукты становятся экологически чисты, долго сохраняют свой аромат и приобретают превосходный вкус.

Вновь вспоминаются былые выезды на электричках. Изумительные виды открываются, когда в конце электрички проплывают перед очарованным пассажиром горные хребты Саян, таежные дали, воды Байкала. Тайга прекрасна в любое время. И зимой, когда вся растительность спит под белым покрывалом, и весной, когда появляются первые весело журчащие ручейки, покрываются светлой зеленью листья деревьев и кусты, очаровывает своей красотой багульник и подснежники, и летом, и, особенно, осенью, когда ни в какое другое время не увидишь такую палитру красок. Кедр, ель, сосны и пихты поражают нас оттенками волшебного цвета от светло-зеленого до темно-зеленого, с лиственниц опадает мягкая золотистая хвоя, а листва наших берез, осин и других лиственных деревьев и кустов вообще вбирает в себя весь спектр цветов от красного до фиолетового, прекрасно смотрятся гроздь калины и рябины.

Незабываемым остается в памяти вид на Байкал, когда едешь на электричке Слюдянка-Улан-Удэ, так бы и не отходил от окна весь этот путь. Сердце наполняется восхищением этим чудом природы.

И желаешь душой всем своим попутчикам счастливой поездки, удачного дня и незабываемого обогащающего общения с природой.

БАТЮШКА КОМАР

Среди любителей тайги слово Комар-гора всегда вызывает уважение и даже некоторое восхищение. На хребте Комара, как и на многих горах Присяня, уникальная прибайкальская тайга сказочно богата своими дарами: ягодами, грибами, орехом, но путь к ним для таежников совсем не прост.

Комар - это крутые подъемы и спуски, невероятная усталость ног и ноющие под рюкзаками плечи, мокрая, хоть выжимай, от пота рубашка. Вместе с тем, здесь вы вдохнете изумительно чистый стерильный воздух кедрочей и ягодников; вы будете очарованы обаянием необыкновенной красоты окружающей Природы; вы не раз испытаете радость таежного азарта при сборе урожая даров тайги.

Перед самой Слюдяной, если ехать на электричке из Иркутска, есть остановка Вербный. Для нашей группы на этой остановке начинается восхождение на Комар.

Позади свыше трех часов езды на электричке, и вот мы, несколько взволнованные предстоящей встречей с Комаром, как десантники с парашютами, по одному выпрыгиваем на платформу со своими рюкзаками. Стоит август - горячая таежная страда; краем глаза замечаю, как из соседних вагонов появляются еще 3-4 группы таежников.

Проходим небольшой поселок, подходим к водокачке. Здесь, скинув рюкзаки, набираем чистой воды. Зная, что впереди самый трудный из всех подъемов, стараемся оставить на теле минимум одежды, и вперед.

Отсюда, от водокачки, Комар видится как огромная лесистая гора. Однако у самого подножья горы по тропе входишь вроде как в ровную лесную аллею. Но пройдя метров 20-30 и подняв вверх глаза, вдруг начинаешь ощущать всю необъятность крутизны подъема. Тропа довольно широкая - до 2-х метров. Справа и слева от тропы обычный смешанный лес высоких берез, сосен, осин и кустарников.

По себе знаю, что на этом первом подъеме очень важно подобрать свой индивидуальный темп хода, уловить ритм гармонии мышечной радости и сильного физического напряжения. На этом участке наша группа обычно растягивается, давая возможность каждому идти в своем темпе. Примерно через 30 минут достигаем «высоковольтки» на небольшом перевале, где тропа раздваивается. Наш путь - левая узкая её «ветвь». Здесь деревья подступают вплотную к тропе, которая переплетается

многочисленными «кореньями», попадаются участки скальника. Усталость начинает сковывать мышцы ног, все сильнее ощущаешь тяжесть рюкзака, но впереди уже видится спасительный просвет - выход тропы на основную дорогу. На дороге снимаем рюкзаки, дожидаемся всех участников группы, немного отдыхаем и снова в путь. Дорога - это старинный тракт, идущий по самому гребню хребта. По ней могут проходить вездеходы и другая высокопроходимая техника, а для обычных машин езда по ней - большой риск завязнуть в одной из ям раздолбаной колеи, либо разбить ходовую часть машины на выступающих скальниках. Говорят, что в давние времена по этому тракту перегоняли из Монголии скот. А в годы Гражданской войны по нему проходили пути белых и красных отрядов. На некоторых узких участках тракт пересекают заросшие канавы - окопы тех давних времен. Слева и справа на этих участках крутые склоны, и в этих окопах очень удобно встречать отряды неприятеля.

Дальнейшее восхождение не такое утомительное, как наш первый подъем. Это многочисленные тягуны, короткие спуски и относительно ровные участки пути. До нашей стоянки около трех часов ходу.

В этот предосенний период тайга необычайно красива своей яркой, богатой палитрой красок. Покрывается золотом хвоя лиственниц, волнуют ваш взор сказочные оттенки волшебного зеленого наряда пихт, сосен, елей и кедров. Наши лиственные красавицы - березы, осины и многочисленные кустарники понемногу начинают наряжаться по осенней моде, используя богатейший спектр цветов от красного до фиолетового. В разноцветье травы здесь и там радуют глаза яркие шляпки мухоморов, темно-бурые моховики, разноцветные сыроежки, блестят тугие маслята. Попискивают шустрые бурундуки, с любопытством разглядывая нас своими блестящими бусинками глаз. На дорогу слева и справа свешиваются колючие пологие ветки шиповника, украшенные багровыми ягодами.

Временами нам открываются удивительные панорамы далеких гор сплошняком в таежном покрывале, синяя дымка Байкала.

Посреди этого отрезка пути среди небольших скальников в сплошном голубишнике проглядывает светлое зеркало родника - наш приют для небольшого отдыха и перекуса.

Дальнейший путь пролегает через густой брусничник, где в хороший сезон в этом изумительном ковре ягодника красный цвет брусники является преобладающим. Попадаются отдельные кедры, по верхушкам которых мы оцениваем урожайность кедровых шишек сезона.

Затем дорога проходит по скальнику. В стороне от дороги изумительно смотрятся увитые блестящей зеленью бадана отдельные скалы. Как лианы свисают на них прошлогодние темно-бурые засохшие листья этого целебного растения. Запасаемся ими для заварки чая, а также откапываем несколько корней бадана - хорошего средства при кишечных расстройствах.

Наконец мы входим в сплошной кедрч, где травяной покров - густой черничник вперемежку со свиным багульником и кашкарой. Отыскиваем старую стоянку - удобную поляну у склона скальника с двумя родниками среди густых зарослей жимолости и смородины.

Ну, здравствуй, батюшка Комар!

На это место мы ходим почти ежегодно уже более 30 лет за черникой, брусникой, добываем кедровый орех. Очень редко мы возвращаемся домой полупустыми. Обычно же при возвращении плечи гудят от нагруженных рюкзаков. На память приходит лишь один совсем неурожайный год, когда я с болью смотрел на понурых тощеньких бурундуков, которые в это время обычно суетливо носились по тайге, смешно надувая свои щеки, перетаскивая таким образом кедровые орехи в укромные подземные закрома.

Обустроиваем лагерь, ставим балаган и заготовливаем на дрова сухостой. Обычно ночью здесь довольно прохладно, и мы стараемся поддерживать в костре огонь всю ночь. Ночная амуниция должна быть весьма плотной, обеспечивающей отсутствие любого поддува воздуха, сквозняка. В этом случае вы не будете ночью мерзнуть. По нашему опыту для этого лучше всего подойдет плотный спальник в полиэтиленовом мешке.

Незабываемы ночи у костра. Закипает таежный чай в котелке, мы ужинаем, глядя на неотразимую многоцветную игру огня, ведем тихие неторопливые беседы. Свежий необъяснимый аромат кедров, чистое ясное небо и яркие близкие звезды - все это располагает к откровенному доброжелательному разговору, расслабляет наши сердца и души, зажатые в городе бытовым стрессом.

Как и многие мои земляки, я тайгу обожаю. Она обладает какой-то необъяснимой завораживающей силой; сюда тянет вновь и вновь. Недаром наш известный писатель, геодезист и страстный почитатель тайги Федосеев завещал захоронить свой прах в горах Присаянья, что и сделали его товарищи.

Вероятно, у каждой народности есть свои святыни. Для многих сибиряков - это Байкал и тайга.

Я думаю, что творец недаром создал такое совершенство. Этим он, вероятно, не устает напоминать нам: «Люди, вам представлена возможность общения с этой чарующей Природой. Живите с Ней и со всем миром в Гармонии. Это кладезь вашего физического и духовного здоровья». Иногда я как-то по-детски думаю, что человек, искренне любящий тайгу и Байкал, не может совершать дурных поступков.

Утро. Надо вставать. Легкий завтрак и за работу. Ягодник еще весь сырой от росы, и, чтобы не быть мокрыми до пояса, мы запаслись одеянием из пленки типа колгот.

Сбор ягод, «тихая охота» на грибы, добыча кедровых орехов - при воспоминании об этом сладко замирает сердце. Километровые поиски на густом ягоднике наиболее рясных полян... Вами овладевает восторг при виде черничных сплошных темно-синих пятен; вы любуетесь кочками, где тесно кустикам темно-бордовой брусники, верхушками кедров, сплошь усеянных тяжелыми сизоватыми шишками, напоминающими картину «Грачи прилетели».

К сожалению, еще не в ходу щадящая добыча орехов, и приходится использовать колот. А затем невольно погладишь «морду» - место боя на кедре - и просишь прощенье у дерева. А кедр, это божественное дерево, подлечивая себя стекающей по разбитой коре живицей, прощая нас, вновь и вновь почти ежегодно радуется таежников своим кедровым урожаем.

При удачной погоде и хорошем урожае возвращаемся домой после одной ночевки. Дождь, нередкий спутник наших походов на Комар, не очень омрачает наше общение с природой, но он заметно убавляет наши аппетиты добытчиков.

Надо собираться домой. Сжигаем и убираем мусор на стоянке, тщательно тушим костер, аккуратно упаковываемся. В дороге руки должны быть свободны, при необходимости пользуемся посохом. Грузенным идти нелегко. Через каждый час отдыхаем. Наконец последний самый трудный спуск. Нестерпимо ломит икры и бедра ног, а сами ноги плохо слушаются, они как бы сами по себе, и на каждом шагу не

знаешь, куда соизволит ступить уже не своя нога; спина сырая, лямки рюкзака, кажется, сейчас перережут плечи. Но уже видны домики Вербного. С трудом перешагиваем рельсы железнодорожного полотна и спускаемся на берег неширокой и быстрой речки поселка. Здесь на берегу с чувством блаженного отдыха дожидаемся электрички.

До новых встреч, незабвенный Комар!

Александр Гордин

ПРИШЛЫЕ

- Шурик, как вы там живете в своем городе? Скучотища! Выйти некуда! То ли дело у нас! – подсмеивался в очередной раз надо мной Лешка (один из местных работяг) во время обеденного перерыва при ревизии контактной сети на участке ВСЖД Слюдянка – Утулик. Он почему-то решил, что я потомственный горожанин.

Подыгрывая ему, но отчасти искренне удивившись, спросил: «Почему? Ведь наоборот, это в деревне выйти некуда! Ни кинотеатров, ни музеев, ни театров...».

- Да потому, что у вас нет ни Байкала, ни тайги! – поблескивая желтой фиксой в правом уголке рта, лукаво прищуриваясь, отвечал балагур Леха.

Позже много раз я вспоминал этот диалог с простым парнем из поселка Мурино, расположенного на южном побережье Байкала. Этот короткий разговор помог мне совсем иначе взглянуть и на собственное происхождение, и на отношение к родной природе. Я просто как-то не задумывался, что она значит в моей личной судьбе и судьбе всех, кто вырос из наших бескрайних просторов, бурных рек и речушек, из закатов и восходов, встреченных в глухих таежных распадах.

Мы жили и живем с окружающей этой красотой как единое целое, подчас даже не замечая, ЧТО НАС ОКРУЖАЕТ. Мы

живем, как дышим. Но... Почему никому из нас в голову не придет в самую дождливую погоду, захваченными стихией врасплох, пойти и содрать бересту с живого дерева, а то и хуже того, заломить его топором. Мы будем до последнего искать сухостой, собирать сучки, корчевать пни... И не только потому, что сырое дерево хуже горит. Нам стыдно вырвать с корнем гриб, если под рукой нет ножа или чего-нибудь острого. И ягоду совком мы не берем, а только рученьками.

Лехе было невдомек, что свою школу выстраивания взаимоотношений с природой я прошел в поселке Облепиха Тайшетского района, где похоронены мои прабабушка, прадедушка и бабушка. Ну, «школу», может быть, громко сказано. Просто, мы так жили. Нравоучительных бесед мне, конечно, никто не читал. И если получал затрещину за то, что больше ягоды затоптал, чем собрал, или, к примеру, пинал ногами поганки (нельзя, ими зверь лечится!), то такой «урок» запоминался, как и сотни моих сверстников, легко и непринужденно.

Осознание, как закладывалась моя, а точнее наша «экологическая культура», пришло гораздо позже. Тогда, когда на месте бывших ягодных и грибных мест, недалеко от Усолья-Сибирского, стал наткаться сначала на промышленные, а потом и на бытовые свалки. Когда, подымаясь по речке Снежная (южное побережье Байкала), за десятки километров от жилища «цивилизованного человека», на туристической стоянке, обнаружил десятки килограммов стеклотары. И не лень же было тащить в такую даль даже не пластиковые, а стеклянные бутылки! Да что там! Таких случаев удивления, раздражения и негодования случалось и случается до сих пор с «нами», увы, множество. И каждый раз мы задаем себе вопрос: «Как же так? Ведь мы здесь все выросли! Разве можно так в своем-то доме поступать?!». И ошибаемся. Выросли-то действительно здесь. Да вот росли по-разному...

Как-то наезжая очередной раз в Иркутск в электричке из Усолья, я встретил одного из уважаемых интеллигентных граждан этого старинного сибирского городка. Мы разговорились. Дело было в начале мая. У меня в руках оказался наш сибирский мохнатый подснежник. Знакомый мой, проживший в Усолье уже более двадцати лет, вдруг спросил: «А это что за цветок?». Наступила пауза. Я подумал, что он меня разыгрывает. Как вы думаете, много ли о тайге, об особенностях

мирного сожительства с ней знают его дети? Вопрос, как говорится, риторический...

Я это к чему? Бытует мнение, что загаживают наши сибирские просторы на бытовом уровне исключительно люди, которые, скажем, приезжают на Байкал откуда-то издалека. Не согласен. Мне кажется (если я не прав, то поправьте меня), это делают исключительно местные.

Я неоднократно наблюдал, как на том же острове Ольхон российские туристы, приехавшие отдохнуть издалека, не говоря уже об иностранцах, старательно убирали места своих стоянок от мусора на берегу Байкала. И как было неловко наблюдать за нашими иркутянами, которые вели себя по отношению к этому уникальному уголку природы, мягко говоря, с экологической точки зрения неадекватно. И что еще более удивительно – этим же «отличались» местные жители. Почему?

Наверное, на этот вопрос в моем эссе ответить невозможно. Но каждый раз, когда сталкиваешься с такового рода «жлобством», почему-то на ум приходят слова известного поэта: «В жилищах наших мы живем умно, но некрасиво...».

Сейчас, когда много говорят о необходимости развития просвещенного туризма на Байкале, приводят в защиту этого тезиса в основном аргументы социально-экономического характера. Доказывают, что развитие туризма поможет развить социальную сферу, принесет колоссальные экономические прибыли. Все это верно и неверно, на мой взгляд, одновременно.

Верно, потому что это сотни раз опробованная в мировом сообществе модель. Многие страны за счет развития туристического бизнеса благополучно, если не сказать, припеваючи существуют.

Неверно, потому что, если дикарю (прошу прощения за грубое сравнение) доверить высококлассную технику, например, джип и научить его просто водить его, что из этого получится? - Он его за месяц ухряпает так, что «мама родная не узнает»! А теперь представьте себе, что «джип» - это некая зона с особыми экономическими привилегиями, скажем, южного побережья Байкала...

Как же быть? Сложно... И очень просто. Пример напрашивается сам собой. Девяностые годы. Остров Ольхон. В населенных пунктах, расположенных на нём, нет постоянного электропитания. Приказал долго жить единственный источник дохода и благополучного существования местного населения –

рыбный завод. На острове появляется некто Никита Бинчаров – предприниматель. На свой страх и риск начинает организовывать туристический бизнес. Понимая, что ему без местного населения не обойтись, для обслуживания туристов начал понемногу привлекать местное население, которое поначалу чужака приняло в штыки. Некоторые из них начали сдавать туристам свои дома для проживания и обеспечивать их «обедами».

Рыбаки вновь стали выходить в море, и домохозяйки оказались тоже при деле. Постепенно психология местных жителей меняется. Они начинают понимать, что эти пришлые – единственный и, как оказывается, неплохой источник их доходов. Центром туристического бизнеса стал поселок Хужир. Постепенно, войдя во вкус, хужирцы все меньше и меньше нуждаются в посреднических услугах Никиты. Но и Никита не в накладе. Поток туристов при помощи местного населения значительно увеличивается. На острове возникли другие различные туристические услуги: миникраеведческие музеи под открытым небом, дополнительные точки общепита, гостиницы, «шаманские уголья» и т.д.

Вчерашние рыбаки и рыбачки обретают новое понимание смысла своей жизни. И этот смысл уже напрямую связан с экологическим благополучием того места, где они живут и работают... Дикие туристы, львиная доля которых из местных (читай - жителей Иркутской области), теперь у них не в чести. Потому что именно они приносят самый существенный урон экологии острова.

- Человека, его сразу видно, каков он. Я здесь многих повидала... - рассказывала мне 70-летняя Катерина Ивановна П., жительница заброшенного поселка Песчаного на острове Ольхон. – Вот, к примеру, приплыли как-то с материка (с северного побережья Байкала) мужики и бабы на катере. Расфуфыренные такие, при кольцах и серьгах. Шампанское пили. Побыли-то всего полчаса, а пакетов, банок и бутылок оставили на берегу, будто неделю жили. Пакостные... А, например, во-о-н там, семья одна из Ангарска каждый год живет недели две, так они не то что за собой – весь берег прибирают! Их даже мои кот и собака признают за своих и любят!

Развитие туризма невозможно без высокой экологической культуры как туристов, так и, прежде всего, тех людей, которые проживают в тех местах, которые эти туристы посещают. Уже сегодня многие жители северного побережья Байкала, который

интенсивно посещают организованные туристы, южное побережье называют помойкой. Обидно... Но факты - вещь упрямая. Например, одно из красивейших мест побережья - район поселка Мурино. С берега Байкала открывается великолепный, немного суровый вид горных хребтов Хамар-Дабана. Смешанный лес из кедра, берез, осин, лиственниц, густо поросший папоротником, полевыми цветами, мхом, багульником, брусничником и черничником, в любую погоду одаривает густым коктейлем приятных и полезных запахов. Около устья реки Мурино настоящий природный музей отполированных ветрами и морем громадных причудливых коряг, на фоне которых очень любят фотографироваться отдыхающие. Но доступность этого местечка (до него легко добраться на автомобиле) делает свое черное дело. Весь берег загажен огромными кучами мусора, которые, конечно, никто не убирает. И вот что удивительно! Ведь оставляют его преимущественно те, кто приезжают на машинах. Неужели так трудно собрать и увезти свои бытовые отходы?

Сущность таких людей в народе определяют, называя их холодным словом «пришлые». Психология «пришлых», по идее, должна быть чуждой для коренного сибиряка. Для него всегда было свойственно особенное, бережное отношение к своему краю, как к месту, где он не просто пребывает временно в своей земной жизни, а как к своему родному дому. А в доме гадить не принято, в нем все должно быть расположено целесообразно и понятно.

И если мы действительно хотим стать самодостаточной «туристической державой», а не быть экономическим придатком России, необходимо всерьез задуматься об экологическом образовании населения. И не только на уровне школьного воспитания. Это образование должно быть многослойным, разнообразным, охватывающим все возрастные и социальные категории. Ибо тот, кто экономит на образовании, как известно, похож на скупца, который, чтобы отыскать копейку в темноте на полу, поджигает рубль.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Анатолий Волчук

ВСТРЕЧА

Однажды в подмосковной электричке
Я встретил ту, которую забыл.
Её я в школе дёргал за косички,
Поскольку, как мне кажется, любил.
Полвека пролетело незаметно,
Виски посеребрила седина...
Любовь моя осталась безответной,
Та девочка другому отдана.
А тот, другой, так далеко отсюда,
И мне его не вызвать на дуэль,
Мне остаётся в гневе бить посуду
И снова редактировать картель.
А жизнь идёт, и внуки подрастают,
И к ним приходит первая любовь,
Ведь наша жизнь спираль напоминает,
И всё когда – то повторится вновь.
2000 г.

«Добро должно быть с кулаками», -
Сказал Куняев Станислав.
Да, в споре между добряками
Тот, кто с крутыми кулаками,
Конечно, чаще будет прав.

В ГИБДД служить стал Петя,
Имея старенький «Жигуль»,
А через год его я встретил –
Он «Мерседеса» крутит руль.

Он был матёрым партократом,
Но, повернувши фейс назад,
Стучит он в грудь себя: «Ребята,
Да я всегда был демократ!»

Когда он состоял в КПСС,
Писал во всех анкетах: из рабочих.
Теперь в единороссы он пролез,
И стать аристократом очень хочет.
Он говорит: «Рассказывал мне дед,
Что род его от Рюрика ведётся».
А, впрочем, у меня сомнений нет,
Что он в потомки Рюрика прорвётся.

*Мой дядя самых честных правил.
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.*

А.С. Пушкин

Фурсенко очень много думал,
От дум головкой занемог,
ЕГЭ для школьников придумал
И хуже выдумать не мог.
Его пример другим наука,
Но, боже мой, какая мука

Знать, что российских двух проблем
Нам не решить уже ничем,

Став кандидатом в депутаты,
Он на груди рубаху рвал:
«За избирателей, ребята,
Я б без раздумий жизнь отдал».
И избиратели, поверив,
Голосовали за него.
Теперь им редкостного зверя
Увидеть легче, чем его.

Сказал поэт, что истина в вине.
Народ наш мудрый это понимает:
С утра, в обед и ночью при луне
Он истину усердно постигает.
2002 г.

*От Волги до Енисея
Расея, моя Расея...*
(Из песни Н.Расторгуева)

Для Расторгуева «Расея»
От Волги и до Енисея.
Нет, Коля, утро россияне
Встречают в Тихом океане.
Уходит солнце на закат –
Это уже Калининград.
С такими знаниями, Коля,
Тебе пора обратно в школу:
За партой годик посидеть,
Чтоб не смешить Россию впредь.

2010 г.

ПРИЗНАНИЕ

Я поэтом себя не считаю,
И стихов никогда не писал.
Я – читатель, стихи я читаю
Те, что кто – то другой написал.
Но, когда вдруг тоска одолеет,
Иль с похмелья болит голова,
В подсознание мыслишка затлеет
И облечь её просит в слова.
И тогда я хватаю бумагу
И стремительно что – то пишу,
Только эту, признаюсь, бодягу
Я в журналы тащить не спешу.
Перед зеркалом встав на паркете,
Причесавши остатки кудрей,
Я читаю творения эти
Для своих музыкальных ушей.
После этого, малость помедлив,
Разрываю всё это в клочки
И без всяких таблеток немедля
Избавляюсь от жуткой тоски.

2011 г.

ТОСКА

*От щемящей тоски замираю,
Будто лист трепещу на ветру.
Каждый вечер, ложась, умираю
И рождаюсь опять поутру.*

.....
Ночь без сна – репетиция смерти.

.....
*Каждый вечер, ложась, замираю,
Просыпаюсь – молюсь поутру.*

Борис Бурмистров

От щемящей тоски замираю,
Каждый вечер хочу умереть,
Но наутро про всё забываю,
Утром хочется прыгать и петь.
С наслаждением сделав зарядку,

На работу бегу босиком,
Моя психика в полном порядке,
И весь день я в восторге таком,
Что друзья удивляются: «Боря,
Отчего ты весёлый такой?»
Но я даже друзьям не открою,
Как весь вечер боролся с тоской.
В суматохе весь день пролетает,
Я с работы домой прихожу –
Снова грусть в моё сердце вползает,
И всю ночь в потолок я гляжу.
Ночь без сна – репетиция смерти,
Репетиция жизни – весь день...
От такой, чёрт возьми, круговерти
У меня уж мозги набекрень.

2010 г.

Поэт в России больше, чем поэт.

Е. Евтушенко

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить.

Ф.Тютчев

1

Поэт в России больше, чем поэт,
Художник тоже больше, чем художник,
Сапожник дядя Вася, мой сосед,
Конечно, больше, чем простой сапожник.
Мы все немного больше, чем мы есть.
Я не хочу давать себе оценку,
Но, стоит вам хоть раз меня прочесть,
Поймёте вы: всех больше – Евтушенко.

2

Поэт в России больше, чем поэт,
Я вам авторитетно заявляю,
А сколько весит мой авторитет,
Любой читатель знает, полагаю.

3

Поэт в России больше, чем поэт.
 Чем только я, друзья, не занимался!
 Такого вида творчества уж нет,
 В который я хоть раз бы не ввязался.
 Прозаик я, поэт и сценарист,
 Не Рафаэль, но всё – таки художник,
 Как говорят, талантливый артист,
 И обо мне не скажут: «Вот сапожник!»

4

Все говорят – я больше, чем поэт,
 Я это сердцем тоже ощущаю,
 Но, что ума касается, то нет,
 Я этого умом не понимаю.
 Да и нельзя умом меня понять,
 Меня аршином общим не измерить.
 Пора мне рядом с Пушкиным стоять:
 Я тоже гений, можете поверить.

2005 г.

*Какая осень, Господи! А лес
 Такие миру выставил наряды!*

.....

Оранжевым перенасыщен лес.

.....

*И катят слитки с плеч Хамар-Дабана.
 Владимир Скиф*

Какая осень, Господи! А лес
 Такие миру выставил наряды!
 Мне нехватает манны лишь с небес,
 А мне её сегодня очень надо.
 Оранжевым перенасыщен лес,
 И я, надев оранжевые брюки,
 Отправился сегодня в райсобес
 Похлопотать о пенсии за муки.
 Там за окошком девушка сидит,
 И мук моих она не знает цену,
 И мне презренной прозой говорит,
 Что сей вопрос изучит непременно.

«Пишите, - говорит, - свои стихи
И вечером, и утром очень рано.
Коль будут не совсем они плохи,
К вам слитки полетят с Хамар-Дабана».
Куда мне это золото девать?
Как обеспечить мне его хранение?
Чтоб голову над этим не ломать,
Я лучше напишу стихотворенье.
2010 г.

ВЕЧНОСТЬ

*Долина. Каменная баба.
Седая, тёмная скала.*

.....
Так время сыплется песком.
Владимир Скиф

Долина. Каменная баба.
Смотрю с восторгом на неё.
Я был бы дико счастлив, кабы
Она стояла здесь живьём.
Но нет, моим мечтам не сбыться,
Я с грустью думаю тайком:
Мне с этой бабою не слиться...
А время сыплется песком.
2010 г.

КОРОВА

*Шла по улице корова
И сказала мне: - Здорово!
Я ответил ей: - Здорово,
Благородная корова!
Дай, корова, молока!
А она в ответ: - Пока!*
Владимир Скиф

Шла по улице корова,
Грустно голову склонив,

Вдруг навстречу ей фартовый
Наш поэт – Владимир Скиф.
Говорит: «Привет, бурёнка!
Дай напиться молока».
А она: «Уйди в сторонку,
Видишь, кризис? Всё, пока!»
Он ушёл, и про корову
Написал прелестный стих.
Так у нас родился новый
Михалков – Владимир Скиф.
За любовь к простой корове
Ему должное воздав,
Вручил премию Ершова
Сам Куняев Станислав.

2009 г.

*То не боль головная –
то сквозная дыра.
в ней бессонницы стая
гнезда вьёт до утра.*

Феликс Чечик

То не зуб разболелся –
это съёмный протез:
словно дятел уселся
и стучит на весь лес.
И ни сна, ни покоя:
он стучит и стучит.
Что же это такое,
скоро ль он замолчит?
Но он долбит и долбит –
в голове уж дыра,
я терпел это долго,
аж всю ночь до утра.
Ну, а утречком рано
коньяка хватанул,
йоду капнул на рану,
к зубнику сиганул.
Доктор быстро исправил
мне мой съёмный протез,
дятел крылья расправил,
улетел в тёмный лес.

2010 г.

*Это – бабочка, слышишь,
только бабочка, но
от волненья чуть дышишь
и на сердце темно.*

Феликс Чечик

Что-то стал я трусливый,
стал бояться всего.
Озираюсь пугливо,
вижу – нет никого.
Просто тень промелькнула
от большой стрекозы,
страхом в душу пахнуло,
стал я меньше в разы,
в щель забился такую,
что меня не найти,
и теперь маракую,
как следы замести.

2010 г.

БАРАШКИАДА

*Я родилась кудрявой, как барашек,
И Пушкиным меня прозвал весь двор.*

Любовь Гибадуллина

Я родилась кудрявой, как барашек,
Мне в этом несказанно повезло:
Сурова ведь зима в Сибири нашей,
Ну, а барашку и в мороз тепло.
А вот когда я в отпуск уезжала
В Египет, Сингапур иль Таиланд,
Я от жары отчаянно страдала,
Она губила светлый мой талант.

В Египте я пыталась в водах Нила
Пересидеть ужасную жару,
Но там живут большие крокодилы,
А им барашки шибко по нутру.
В далёком Таиланде, как ни странно,
Испытывала зависть я к слонам,
Поскольку им жара по барабану,
А я же вся истаивала там.
В итоге я про ямб и амфибрахий
Забыла напрочь, рифмы от меня
Куда-то разбежались в диком страхе,
Как волки от горящего огня.
Мечтаю я, чтоб в следующей жизни
Мне довелось родиться без кудрей,
Тогда служить и в отпуске Отчизне
Смогу я звучной лирою своей.

2009 г.

*Господь наш тоже кулинарил:
Создал сей Мир – и закемарил.
Любовь Гибадуллина*

Господь наш тоже кулинарил:
Создал меня – и закемарил.
Спросонья гены перепутал
И меня с Пушкиным попутал.
Теперь всю жизнь я так и маюсь:
Сравняться с Пушкиным стараюсь.

2009 г.

ОШИБКА

*Кровь, как река в землетрясенье,
Рвалась из русла, не спросясь.*

.....
Господь послал уже за мной.

.....
Тому, кто призван в мир поэтом...
Виктор Бронштейн

Кровь, словно лава из вулкана,
Рвалась из тонких вен моих,
А я в бассейне у фонтана
Читал поклонницам свой стих.
Сгорая в творческих мученьях
И ног не чуя под собой,
Я ждал со страхом и волненьем,
Когда Господь пошлёт за мной.
Тому, кто призван в мир поэтом,
Живётся тяжело на земле.
Господь, видать, забыл об этом
Иль не узрел во мне поэта
Там, в непроглядной звёздной мгле.

2010 г

Иоанн Бубликов

ГРАЖДАНИН

Я в этой комнате один –
явление масштаба мирового.
Пью чай, страдаю... Гражданин,
быть может, измерения другого.

А рядом, на подстилке, кот
к холодной батарее жметя.
Конечно, он – безмозглый идиот!
От этой мысли сердце слаще бьется...

Так вот оно, признание себя
явлением трагедии и фарса:
чем громче по тебе пальба,
тем более похож на барса!

А если ты – запечный таракан?
А жрать охота, пить охота...
И не чего-нибудь, а, например, банан
иль виски пред любовною охотой?

Как быть, философ и поэт?
«Спроси у одиноких женщин...» -
на ушко шепчет дьявольский ответ
двойник – коварнейший изменщик.

О, нет! Я гениально обречен
на одиночество в пустыне!
Сбивают только с толку перезвон
бутылок и девчонки в мини...

20 января 1996 года

БУМАЖНЫЙ БОГ

Бумажный бог,
подвешенный издателем за нитку,
при галстукe и при часах,
считал себя редактором,
верша над Словом пытку,
с улыбкой сатанинской на губах.

1996 г.

Через бублик моей души
Глядит на меня пустота.
Небо в чашечках кофе дрожит,
А в желудке моем – чистота!

И, конечно же, выбора нет:
На обоях бездарных квартир,
Я – цветков серый, бледный свет
И простуженных женщин кумир.

О, мой город! – Барачный прилив!
Общежитие страждущих есть!
Ты, смотрящийся в зеркальца лыв,
Гетто русских! – Всевышнего месть...

Ковыряю я пальцем в ноздре
Чуть светящихся нынче небес,
И декабрь скулит на дворе:
Он поземкою первой облез.

А на плоском пространстве дорог –
Тараканы снующих людей.
И стихи мои – грязный порог,
С хриплым голосом ржавых дверей.

А. Семёнову

Стихи, пейзажи – вперемешку!
Хождение от лиц до ликов.
Плесни вина! Не мешкай,
Дружище! Но только – тихо...

Нам время оживаться.
Касаться неба. И, слегка
под градусом, в Афинах ошиваться:
в моей руке - твоя рука!

В твоей душе – моя душа!
А это значит (без булды!),
в кармане завтра – ни шиша,
и снова мы в пути!

Пусть бестолковые паяцы
построят нам бумажный дом
потом. А нам под звездным одеяльцем
преглупо нынче хорошо вдвоем...

Кто же я? Китаец или русский? –
Не пойму уже совсем...
Глаз мой, вроде бы, не узкий
и лапшу, из принципа, не ем!

Но на мне – куртяга из Шанхая,
Кофта – «made in» Пекин.
Даже плавки... И – не знаю,
чей же я взаправду гражданин...

ПОДРАЖАНИЕ ЕСЕНИНУ

Мне грустно на себя смотреть –
Какая боль, какая жалость!
Ведь было столько золота! Глянь, медь...
И связь времен в мгновение распалась.

Чужие руки разнесли
мой жар души. И в сердце – стылость...
Отчаянно шепчу: «Усни,
усни, мой разум, сделай милость!»

Как хорошо быть деревом в саду!
А лучше кружкою пивною...
Так до себя, быть может, и дойду...
Дойдя, смиренно отравлюсь собою.

И пусть Господь меня простит
за жест сей грациозно-трезвый:
пиит пиитом был убит,
что, в целом, для поэзии полезно!

1 февраля 1998 года

Ветер в городе, словно в клетке,
Завывает: «А-а-у-у!».
И на елочке вновь конфетки
очень сладкие в Новом Году!

Мишура, свет фонариков,
Боже мой, что со мной?!
Сорок мне, а я, точно старенький,
в эту ночь так хочу домой.

Хотя дом мой давно уж простывший
от сквозняков моих взрослых грез,
и ночами там, еле слышно
сплю я, будто продрогший пес.

Отчего же такая потеха:
сердце есть, но его будто нет!
Только шрамы стихов, словно вехи,
Метят чей непонятно след

1999 г.

Голуба, ты опять серчаешь на меня!
Не брит, мол, и с невыспавшимся глазом...
Без пива с воблюю – ни дня,
и пахнешь всяческой заразой!

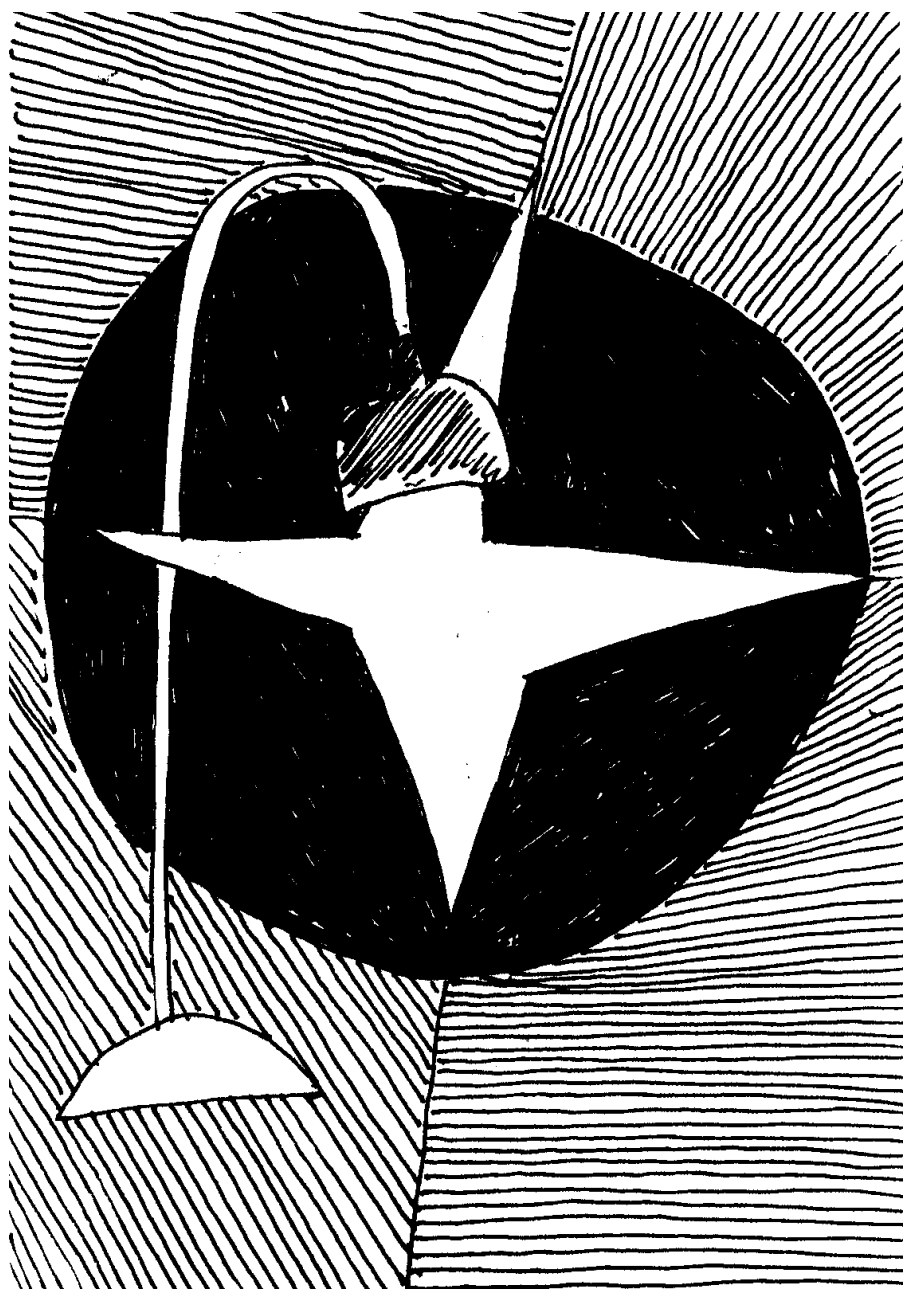
Ну что поделаешь, не голубой!
Не фиолетовый, а – серый:
плетусь, лишь спать и есть домой,
ведь все поэты где-то изуверы.

Но знала б ты, как нежная братва,
насилуя свое воображение,
рожает... Нет! Не детей – слова,
до умопомрачения.

И в ход идет все: женщины, вино,
трава, шприцы – сермяга!
чем круче падаешь на дно,
тем доблестней словесная отвага!

1999 г.

ПРОБА ПЕРА

Людмила Русакова

СЧАСТЬЕ

Наконец-то я окончил свой очередной труд. Годы есть годы. Они накладывают свой страшный отпечаток усталости. Застылают крылом хищной птицы многие радости жизни. Постепенно исчезает желание куда-либо ехать, лететь, мечтать. Даже гости начинают слегка утомлять.

Эти гнусные мысли прервал резкий дверной звонок. На пороге, широко улыбаясь, пышущий здоровьем, стоял мой давний друг Вадим. В руках у него был пахнувший вкусной снедью рюкзак. «А вот и я!» - зашумел он. И казалось, вместе с ним задвигались враз, ожившие вещи в моей холостяцкой квартире.

«Сейчас съедим всё. Это тебе не магазинская отравка, - похлопал он рюкзак. - А потом поедем ко мне добывать мамонтов на пропитание». Спорить с ним было бесполезно. А честно говоря, и не хотелось. Так я попал из каменных джунглей города в благодатный мир девственной природы.

Был июнь. Время раннего лета с его свежим молодым воздухом. Хмельные от усталости, мы забрели глубоко в лес. Внезапно грозовые тучи зачернили голубизну неба. А прежде легкий ветерок сменился ураганом. Он с остервенением стал гнуть ветки деревьев, пытаясь срывать листочки. Не в силах

противостоять его натиску, трава бессильно и печально прижималась к земле. Гроза набирала силу. В темно-лиловом небе раздалась сначала глухая, а потом с сильным треском канонада. Гром сопровождался яркими вспышками молний, будто по небу прокатилась колесница, запряжённая неуправляемыми лошадьми. И следом мы решили пробираться к дому лесника. Гроза утихла также внезапно, как и началась. С тщательно промытого дождем неба полились ласковые лучи яркого солнышка. Лес наполнился веселым хором птичьих голосов.

Лесничего мы застали сидящим у дома под деревом. Всё вокруг и сам он был таким добротным, ухоженным. По праву обласканный теплыми лучами солнца, он был высокий, подтянутый. Лицо украшала ухоженная черная бородка. Тонкий нос с изящной горбинкой и редкой красоты линия губ. Улыбка у него была такой чудесной, какой-то робкой. И при этом брови слегка приподнимались, а по лицу разбегались мягкие морщинки. В густой шевелюре изредка поблескивали седые нити. Он играл в шахматы с мальчиком. С дерева свесила головку белочка, с любопытством наблюдая эту сцену. Пушистый хвост её слегка дрожал, но было понятно, что она ничего не боится. Огромный пес с рыжими подпалинами, лежащий у клумбы с цветами, поднял голову, насторожился. Было ясно, он никому не позволит нарушить мир в этом райском уголке. И как бы веря этому, листочки на деревьях под легким дуновением ветерка зашелестели: «Хорошо! Хорошо!».

В проёме двери появилась женщина. Открытое платье из легкой цветной материи прикрывало слегка расплывшее, но наполненное такими женскими соблазнами тело, что меня охватил жар желаний. Хотя я никогда не был бабником. Умел спокойно ценить всё прекрасное. В том числе и женскую красоту. Не просто длинные, а именно стройные босые ноги несли роскошное создание с округлыми белыми, слегка позолоченными солнцем плечами, плавно переходящими в упругую грудь. На сочных губах появилась улыбка. И всё лицо засияло. Особенно глаза, голубые, с синевой, и тем, что в народе зовется счастьем. «Проходите, гости дорогие. Сейчас я буду вас кормить. Устали небось?».

Так я познакомился со Степаном Петровичем. Когда мы подружились, он рассказал о себе и о своей Ксении.

Со своей бывшей женой они учились в Лесотехническом техникуме. Сразу же подружились. Все их считали самой

красивой парой. Потом работа. Вначале жизнь была радостной, наполненной трудом и любовью. И чем больше загорался работой Степан, тем более безразличной и даже хмурой становилась она. Они ждали рождения ребёнка. С самых ранних сроков её беременности Степан взвалил на себя всю работу, включая и по дому. Ловил каждое её слово, зачастую грубое и несправедливое. В глубине сознания Степан понимал, что она ошиблась. Такая жизнь не для неё. А любовь! Да была ли она? Рождение Серёженьки не принесло изменений в её настроении. Она рано стала отлучать мальчонку от груди. Заговорила о покупке машины. Часто навещалась к подруге в город. Степан молча со всем соглашался. Вскоре она заявила, что уйдёт, совсем уйдёт. Он не спрашивал, почему и куда, потому что был уверен насильно счастье не создать. Спокойно достал шкатулку с деньгами на машину и сказал: «Возьми всё. Мне пока не нужно». Больше он её не видел. Когда же пришёл запрос на его согласие о разводе, Степан понял, что у неё всё хорошо. Только в сердце зашевелилась обида. Даже не за себя, а за сына, которому так и не пришлось в своей жизни произнести слово «мама».

Серёжа рос здоровеньким, развитым и очень добрым мальчиком. Парень окончил школу. Дальше армия. Сын рвался служить на флоте. Сначала письма шли часто. Потом реже и наконец совсем перестали. Отец узнавал, что у Серёжи всё хорошо. Просто он вырос. И у него своя жизнь. Такой поворот судьбы Степан Петрович принял безропотно. Только стал угрюм. Отпустил окладистую бороду. Перечитывал старые письма сына. И чаще сидел со своим верным псом Волком, наблюдая, как уходит день. Как солнце, подобно огромному красному шару неотвратно падает на изломанную линию горизонта. А розовые тучки, темнея, распушались. И по мере угасания дня из розовых становились грязно-рыжими.

Но ранней весной, когда ещё не совсем стаял снег, Серёжа внезапно вернулся, и не один. За спиной у него стояла худенькая, с васильковыми глазами девочка. На нежной шейке красовалось беленькое, без единой кровиночки личико с удивительными, даже неправдоподобно правильными чертами лица. И чтобы сгладить эту хрупкость, оживить что ли, природа наградила девочку копной роскошных огненно-рыжих волос. «Ну давайте знакомиться». Девочка подняла глаза. И из них полилась такая теплая синева, что Степану Петровичу стало хорошо и спокойно. Она с опаской, готовая в любую минуту

отдёрнуть, подала руку с тонкими, почти прозрачными пальчиками. При этом она не сделала ни единого шага, оставаясь за спиной у Серёжи. Только наклонилась вперёд. Её тоненькое тельце изогнулось подобно деревцу в сильную бурю. «Да, этой девочке не сильно-то везло в жизни... - мелькнуло в голове у Степана Петровича, - Ну ничего, здесь тебя не обидят». Уставшие с дороги гости уснули. А Степан Петрович, счастливый, ходил по двору и показывал Волку свидетельство о браке. Его Серёжа предусмотрительно предъявил отцу. «Вот смотри, Волк, здесь всё по закону. Теперь нас трое, ну и ты конечно. А там, глядишь, и малышня пойдёт. Вот только она уж слишком хрупкая. Надо побережь». Он глянул на спящую невестку. Она свернулась калачиком, подперев кулачком подбородок. Дышала тихо, тихо, еле слышно.

Первым проснулся Сережа. Сели, закурили. «Ну и где ты такой чудесный экземпляр откопал? Я думал, уже таких не существует. Все ходят полуголые да раскрашенные». Серёжа рассмеялся: «Знай наших!».

Ксении, так звали девушку, досталась тяжелая судьба. Она была единственным и очень поздним ребёнком. И в первые годы жизни была окружена любовью и добротой. Но поздние роды отрицательно отразились на здоровье матери. Вскоре её не стало. Ксюша была слишком мала. Смотрела вокруг широко открытыми глазками. Она даже боялась плакать. Боялась приласкаться к отцу. Дичилась людей. Всё ждала маму. А отец, такой добрый и ласковый всегда, враз стал нелюдим. Он даже перестал замечать маленькую Ксюшу. Его горе было так велико, а потеря так невозполнима. Отгородившись от мира, он не желал вмешательства посторонних в своё горе, не хотел разделить его с кем либо. Постепенно когда-то ухоженный их быт приходил в запустение. Начались сокращения на работе. Одним из первых «оптимизировали» отца. Бедность дошла до такой степени, что не вызывала вопроса, чем жить завтра, а только удивляла, чем жили вчера. Соседи, по доброте душевной, пытались помочь им. Приголубить Ксюшу. Но, встретив грубый отпор отца, отступились. И теперь уже маленькая Ксюша, как могла, опекала отца. Стараясь приласкаться. Скормить вкусный кусочек, которым её угощали. А он молча сидел, подперев голову руками. Никого не видел и не слышал. И вот в один страшный для Ксении день отец исчез. Его никто и не искал. Просто девочку забрали в детдом. В их квартире поселились чужие люди. Но и здесь, в детдоме,

Ксюшина жизнь не стала радостнее. Всегда замкнутая, пугливая, она перестала интересоваться как взрослых, так и сверстников. По окончании школы ей, как и в основном всем детдомовцам была «заказана» дорога в ПТУ. Но и здесь она оставалась одинокой. Всё ждала отца. Да, видно, его уже в живых то не было...

Однажды, возвращаясь утром в общежитие со свидания, Сережа на скамейке увидел плачущую девушку. Остановился, расспросил. Но так ничего не добившись, отступился. Но память об этой встрече не хотела его отпускать. Вскоре он нашел её. Так, взрослая по годам, но с душой ребёнка девушка нашла защиту и заботу. Может, ту, что всю жизнь ждала от отца. А может сердечко её успокоилось, поверив в доброту этого сильного, красивого парня. Им было просто и хорошо друг с другом. Ксения уже работала штукатуром. Серёжа тоже не лентяйничал. Вот только жить вместе им было негде.

«Вот так, отец, я и решил рвануть к тебе. Знаю, примешь». «Ещё бы не принять» - улыбался Степан Петрович. Сердце его радостно пело, а напрасно... Сын был не тем, каким уходил в армию. В нём появилась жесткость, даже жестокость. Ксения же была какой-то неприспособленной. Всё у неё летело из рук. Отчего она пугалась, и получалось ещё хуже. При этом ее длинные утолщенные на краях, ресницы начинали быстро-быстро двигаться как крылья птицы. Лицо наполнялось нежно-розовым разливом, начиная с шейки. А маленькие ушки просвечивались почти пурпурным светом. Глаза темнели. А его Серёжа, когда то добрый Серёжа, возвращаясь из города пьяным, орал: «Косорукая!». Степан Петрович не лез в их отношения. Лишь не давал распускать руки. После очередной пьяной выходки сына, уснувшего не раздеваясь, Степан Петрович подошел к невестке с кружкой парного молока. Когда она подняла на него полные слез глаза, сердце его защемило от сознания, что дороже её у него никого нет.

Проспавшемуся сыну он заявил: «Всё, Серёжа, так больше нельзя». Тот молча опустил голову. Прозвучало: «Отец, я уеду назад. Мне там хорошо. Прости». Как и в тот раз, Степан Петрович достал заветную шкатулку с деньгами: «Возьми все. Мне пока не нужно... – и помолчав, добавил, - А Ксения!» Глаза сына заелозили. Он что-то хотел сказать, но только обречённо махнул рукой.

Рано утром он увидел, как Серёжа собрался, потом обнял на прощание за шею Волка и ушел. Степан Петрович продолжал лежать, закрыв глаза. На сердце было пусто, ни боли, ни обиды,

ничего. Прикосновение руки вывело его из этого состояния. Это была Ксения. «Степан, - она замялась, Петрович, Манечка не дает мне дойтись». «Сейчас, сейчас, родная, всё будет в порядке...». Он даже не понял, как это у него вырвалось это сокровенное слово «родная».

Теперь жизнь в этом доме пошла своим чередом. Только спать Степан Петрович стал на сеновале. Вскоре пришел запрос о разводе для Ксении. Степан Петрович с тревогой следил за невесткой. Но она отнеслась к этому спокойно. Как будто это её не касается. Женщины переносят горе легче, чем мужчины. «Так уж они устроены...» - решил Степан Петрович.

Неизвестно с откуда-то взявшейся сноровкой, Ксения занялась хозяйством. Была она воздушная. Легкая поступь и быстрые движения рук. Оттого казалось, что не только васильковые глаза излучают свет, но и не знающие покоя, несущие уют руки. На окошках вместе с цветами появились ажурные занавески. Даже хлеб они теперь ели не из магазина, а испечённый ею. Всё вокруг неё как-то ожило.

Казалось, что даже птичек вокруг стало больше и поют они звонче. Но в этом хоре милей всего был голосок Ксении. И было светло и радостно на душе, глядя на её нежный профиль. Сердце не просто пело, а издавало хрустальный звон. Степан Петрович с улыбкой наблюдал, как его флегматичный трудяга-конь Серко подкрадывается к Ксении. Его мягкие губы ловят завитки волос на её шейке. А она, заливаясь смехом, отбивается. Потом, отрезав от пышущей буханки ломоть, посолив, кормит Серко. И только Степан Петрович боялся участвовать во всей этой весёлой кутерьме, всегда находя для себя работу. Да чаще, чем прежде, уходил с Волком в лес. Забирался в трущобы. Не замечал времени. Сидя на пне, он смотрел как луна, будто специально отполированная и оттого ещё более яркая и величественная, свободно скользила между облаков, грустная улыбка, медлившая у него на губах, говорила о мечтах, рождавших нестерпимо-обморочное и в то же время желанно-сладкое чувство, заканчивающееся учащенным сердцебиением. А Волк, положив свою большую голову ему на колени, смотрел в глаза. Казалось, он всё понимает. Может, это и не казалось, а было на самом деле. Ведь по возвращению домой Волк так же улаживал свою голову в подол Ксении, и его глаза несли тоску хозяина. Пришла осень. Утрами деревья одевались серебряными нитями, увешанными

хрустальными шариками. Под лучами восходящего солнца они дрожали даже от самого легкого дуновения ветерка. Как будто издавали слегка слышный звон. А проказник-ветер играл ими. Но лучики просыпающегося солнышка тоже вступали в эту игру. И тогда хрустальные шарики начинали переливаться самыми затейливым цветом от темно-фиолетового до нежно-голубого. «Ах как это красиво!» - шептали листочки на деревьях. Но солнышко грело всё сильнее и сильнее. Утренний свежий ветерок затих. А нити, эти серебряные нити исчезали, унося с собой хрустальные шарики. И сказка пропадала.

Стояла тихая, уже наполненная морозцем осенняя ночь. Но, несмотря на прохладу, Степан Петрович продолжал спать на сеновале. Сон не шел к нему. Он смотрел в проём двери на большой, почти огромный шар луны, переполненный серебром. И этот серебряный свет проникал всюду. Отчего, казалось, светятся веточки деревьев. Степан Петрович протянул вперёд руку. И она тоже засветилась. А он всё тянул вверх ставшую почти прозрачной от серебряного света руку к звездам. Как же они близко. Большие, красивые, и как их много. И каждая из них сама излучает свет. Только он у всех разный. От серебряного до рубинового.

Его чуткий слух охотника уловил еле слышный шорох. И тут он увидел «васильки» Ксении. Они стали глубокими колодцами, поглощающими свет луны. Степан Петрович рванулся к ней: «Как же ты решилась! Я так боялся!» А Ксения, счастливо смеясь, быстро, быстро говорила: «Я не любила, прости, я не любила Серёжу. Когда он забрал меня, такой сильный, красивый, я верила, что это любовь. Но, только встретив тебя, поняла, что такое любовь. Я давно бы ушла от Серёжи, но не могла уйти от тебя. Не сердись, не сердись...». А он, продолжал снимать поцелуями слёзы с лица любимой, давно уже любимой им женщины. И всё не мог поверить в своё счастье. Через девять месяцев родился тот самый мальчик, с которым он играл в шахматы, с завораживающей улыбкой отца и синими брызгами глаз матери.

Вера Дикова

Золотое дно священного Байкала,
Как бархат в нём переливается песок.
В воде прозрачной бегают барханы,
Сверкая в яркий солнечный денёк.

В воде кристальной серебрятся рыбки,
Мальки по дну летают косяком,
Приятно чувствовать плескание водички,
Ходить по мягкому велюру босиком.

ЧАЙКА

Сидела чайка на скале,
Взирая зорким оком,
Такая важная была,
Красива, белобока.

Глядела чайка свысока
На бесконечные просторы,

На кружевные облака,
На сказочные горы.

Синь неба видела она,
Заливы и распадки,
Кругом байкальская вода,
На берегу палатки.

Была и я на той скале,
Могучей и высокой,
Всё удалось увидеть мне,
Как чайке белобокой.

Облака молочные
Спустились ниже скал,
Видны вершины горные
Над озером Байкал.

Погода нынче хмурится
И дождь идёт с утра,
Плывут по небу серому
Барашки-облака.

Сегодня ждали солнышка
И тёплого денька.
Любуемся мы дождичком
С гостиного окна.

РАССТАВАНИЕ

Я приехала из Иркутска в Куку 20 апреля 2006 года по путевке, чтобы подлечиться и отдохнуть. Кука - это курорт в Читинской области, расположенный недалеко от Читы, больше часа езды от неё на автобусе. Кука - это маленькая деревенька домов так на пятьдесят, разбросанных на маленькой территории у подножья горы. Кука - это узкая лента очень бурной мелководной речушки, проходящей вдоль деревеньки, с очень холодной, очень чистой и очень прозрачной водой. Кука - это, наконец, источник с газированной, минеральной, очень полезной лечебной водой.

И курорт, и деревенька, и речушка, и источник расположились в одном из распадков Яблоневого хребта. Этот распадок окружают невысокие горы, сплошь покрытые хвойными лесами. Сосны здесь прямые, высокие и раскидистые. Горы расположены в основном с северной, западной и восточной сторон. Они закрывают территорию курорта от сильных ветров. С южной стороны территория полностью пологая и вся на солнце. Поэтому на территории курорта всегда солнечно и, можно считать, относительно тепло даже в середине апреля.

Вблизи территории на небольшой площади рос подлесок из мелко растущих деревьев, которые, ещё не распустившись, создавали красивый серо-зелёный фон на белом снегу.

Весна повсеместно по всей России выдалась в ту пору поздняя, холодная, и везде лежал снег. Только на солнечной стороне склонов гор, да на территории курорта были видны редкие, вытяжавшие серо-бурые проталины в основании могучих сосен.

Я приехала в Куку в теплой куртке, в зимних ботинках, в пуховом платке и не прогадала. Мне всегда было тепло, несмотря на то, что солнечных дней на этот период выпало мало.

Территория курорта небольшая, обнесённая высокой железной изгородью. По длине территории вытянулись друг за другом, словно по верёвочке, три кирпичных двухэтажных корпуса и три деревянных одноэтажных домика-коттеджа. Столовая и поликлиника располагались в старом деревянном доме посередине площадки. От столовой до въезда на территорию проходит асфальтированная дорога. Рядом с въездом находятся ванная и бювет для питья воды

отдыхающими. Вода в бювете подогревается до определенной температуры по назначению врачей. За территорией курорта недалеко находится сам источник. И, конечно, если бы не этот источник с такой замечательной водой, то редкий человек знал бы о существовании Куки, а тем более приезжал бы сюда.

А вода в источнике поистине золотая. Она лечит многие заболевания. К этому источнику ежедневно приезжают многие читинцы на своих машинах и наполняют водой большие ёмкости: канистры, фляги, бутылки.

Так что я жила на одном конце курорта в дачном домике, а пить водичку минеральную ходила на другой конец в бювет каждый день по три раза: в 8, в 14 и в 18 часов, т. к. через полчаса у отдыхающих будет приём пищи.

Итак, на любой территории, тем более там, где есть запах пищи, водятся и гуляют собаки. Курорт Кука не составил исключение. На его территории постоянно жили пять-шесть дворовых бродячих собак: черные, белые, рыжие, разные по породе, росту, возрасту и размерам. Все отдыхающие, выходя из столовой, кормили собак.

Среди этой своры был пес по кличке «Косолапый». Каким-то образом эта кличка «перешла» в кличку «Мишка». Так звали его все отдыхающие, в том числе и я. Мишка оккупировал в кустах территорию возле столовой и никакую собаку на эту площадь не пускал. А если какой-то собаке удавалось пристроиться возле куста в момент выхода отдыхающих из столовой, он тут же своим рыком отгонял их. Так что на этой своей территории он спал, ел, развлекался с людьми и был хозяином этого места.

А отдыхающие, в свою очередь, считали своим долгом, выходя из столовой, нести Мишке хоты бы маленький кусочек от своей еды. Отдыхающих было около трёхсот человек, так что еды Мишке хватало. В результате этого Мишка был очень упитан, привередлив в выборе подачек: что попало, вроде хлеба, булок не ел, а только - чистое мясо! И даже, если в котлете было больше хлеба, чем мяса, то он, понюхав и не трогая её, отходил в сторону.

Породы Мишка был лайка, невысокого роста. Шерсть у него очень густая и пушистая вследствие хорошего питания и постоянного пребывания на свежем воздухе. Уши были маленькие и торчащие. Окраса он был черного с белыми кончиками лап и белыми полосками на лбу и на толстой шее вроде галстука. Глаза у него были небольшие, мутно-серого

цвета и почему-то постоянно мрачные. В них трудно было прочесть его состояние, ибо они практически ничего не выражали, ни радости, ни беспокойства и тем более восторга. Бегать Мишка никогда не бегал, т.к. ему это делать было тяжело из-за его полноты, а только ходил медленно по территории. Поев, он располагался на проталины под кустами отдыхать.

По приезду в Куку я сначала сильно боялась его, т. к. мой путь к бювету проходил мимо столовой, а, значит, и мимо Мишки по его территории. Я вообще боюсь собак после того, как меня на даче сильно укусила соседская собака. Проходя мимо Мишки и вообще мимо любой собаки, я с замиранием сердца сразу останавливалась и, если собака шла в мою сторону, я деревенела, закрывала глаза, опускала руки по швам и стояла до тех пор, пока собака сама, обнюхав меня, не уходила. Иногда я силой воли старалась подавить тот адреналин в себе, который вызывает у собак раздражение и желание лаять. Так было и с «Мишкой Косолапым» в начале сезона.

Первые дни я боялась ходить мимо него, а если и ходила, то, естественно, с замиранием сердца. Более того, по-видимому, чувствуя мой страх, Мишка, как мне казалось, когда бы я ни шла, и где бы он ни лежал, обязательно поднимался и направлялся в мою сторону. Меня постоянно охватывал ужас. Мне казалось, что он хочет кусить меня. Но он, подойдя ко мне, обнюхивал меня и уходил. Он вообще отдыхающих, как говорили, никогда не трогал. Но, что интересно, этот пес обладал удивительной способностью отличать отдыхающих от местных жителей, особенно бомжей, которые заходили на территорию. К отдыхающим он относился спокойно-равнодушно, не замечая их, а на пришлых он начинал лаять и изгонять их с территории курорта и лаял до тех пор, пока они не уходили за ограждение.

Так как мой страх постоянно продолжаться не может, то я решила для себя, что Мишку надо приручить, т. е. повкуснее подкармливать его. Самый лучший и вкусный кусочек я делила с ним. Мне ещё в этом вопросе помог мой маленький сосед по столу. За обеденным столом нас сидело четыре человека: я, моя соседка по комнате и молодая бабушка Лариса, лет сорока, с внуком Вовочкой, которому было четыре года. Так как у бабушки с внуком была путёвка «Мать и дитя», то маленькому внуку давали норму питания взрослого человека, которую он, естественно, осилить не мог. Я, с разрешения бабушки, воспользовалась этим. Вовочка, съев кашу, уже не мог съесть

второе мясное, которое потом доставалось Мишке. Таким образом, я приручила Михаила.

После трех-четырех дней такой подкормки Мишка встречал меня, виляя хвостом. Если его не было рядом со столовой, то я свистела, и он тут же прибегал на мой свист, чем веселил моего соседа по столовой, маленького Вовочку. Так мой страх перед псом перешёл во взаимную дружбу, а затем во взаимную любовь. И потом, когда бы я ни шла, и где бы он ни лежал, он в обязательном порядке поднимался, от души потягивался, растянув передние лапы, а затем задние, порой даже нехотя, потому что я своим появлением нарушала его сон, и подходил ко мне.

Я, естественно, гладила его мохнатую шерсть, ласкала его и приговаривала: «Ты мой хороший, замечательный пёс». И он это с благодарностью воспринимал. Но когда он не спал, он с большим удовольствием сопровождал меня до бювета и обратно до моего дома, а там я ему давала кусочек сыра, который покупала в местном магазине.

И, конечно, никакого страха и ужаса от такой собаки я не испытывала. Вот так мы с ним подружились почти на весь сезон.

Однажды был такой случай. Я пошла одна к «дереву любви», хотя администрация запрещала ходить одним за территорию курорта. Но я посчитала, что со мной мой лучший друг Мишка, и мне с ним ничего не страшно.

«Дерево любви» - это сросшиеся до семи штук сосен вместе, которые невозможно обхватить даже трём людям. Возле этого дерева все читают молитву, обращаясь к Богу и Солнцу с просьбой о здоровье, любви и возможному возвращению в эти прекрасные места. Так сделала и я. Возле этого дерева я погрелась, помечтала, поклонилась солнцу, земле, дереву и решила идти домой.

И вот, возвращаясь обратно, я услышала шум от тяжёлой грузовой машины, едущей мне навстречу. И действительно, показалась огромная военная машина, в которой ехали мужчины в военной форме. Я остановилась и насторожилась. Что делать? Какие там едут люди и как поведут себя? А я одна. Мишка бегал по лесу. Ему это занятие очень нравилось. Он был далеко от меня, во всяком случае, я его в поле своего зрения не видела. При приближении машины я сошла с дороги и зашла в лес. Мишки рядом не было. Машина проехала спокойно без остановки. Я с облегчением вздохнула, что ничего не случилось.

И какого же было мое удивление, когда я, оглянувшись по сторонам, в нескольких шагах от себя увидела моего пса. И конечно, я поблагодарила его за это.

Так он охранял меня и, возможно, защитил бы меня в сложной ситуации, если бы кто-то подошёл или напал на меня. Но в машине ехали хорошие люди. А Мишка тоже оказался хорошим псом и настоящим другом.

Наша дружба дошла до того, что при виде меня, он бежал ко мне, виляя хвостом, лизал мне руки и со счастливыми глазами от мысли, что видит меня, прыгал вокруг. Я естественно его гладила и трепала за уши. Мне очень нравилась наша такая дружба, перешедшая от страха к взаимной любви.

Ещё очень удивительный был случай. Весна, апрель-пора, когда кроме солнечных дней много христианских праздников: это и вербное воскресенье, и пасха, и родительский день, а он был солнечный и очень тёплый. Мы решили с молодой бабушкой и Вовочкой подняться на гору «Каменных кресел». С нами пошёл и Мишка. Вокруг стоял красивый и загадочный лес. Когда мы туда поднялись, а это было довольно далеко и высоко, гуляли там уже две бабушки: одной было 85лет, другой-80лет. Это в таком-то возрасте быть на такой высоте. Нас они очень удивили. Но говорят недаром: «охота - пуще неволи». Поминая каждый своих родителей, нужно было что-то съедобное положить на землю.

Такой обычай. У нас с собой ничего не оказалось, кроме валидола. Бабушки сказали нам, что и это можно оставить. Но наш пёс распорядился по-своему. Он раскопал где-то сушку, пронёс мимо нас и убежал с ней, закопав её снова под другим деревом про запас, а, возможно, показал нам, что этой сушкой можно заменить валидол. От нас не отходил далеко. Наш пес, как все собаки, был запасливым и, что нужно он закапывал в землю.

Таких примеров было много, т.к. он сопровождал меня всюду: на терренкур, в лес, в столовую, в бювет, домой. Так мы с ним гуляли, дружили и обнимались целыми днями почти до конца сезона.

Как-то раз, ближе к концу сезона, я в сопровождении Мишки, который прыгал и прыгал возле меня, зашла в бювет попить водичку и задержалась там дольше обычного, беседуя с женщинами. Мишка остался ждать меня у входа. Вдруг слышим тонкий-тонкий визг, даже раздражающий уши писк, причем так долго и нудно, что не обратить на это внимание просто невозможно. Я поняла: это пищит мой пёс, т.к. я очень

задержалась в бювете, а он требует внимания к себе. Я вышла, сказала ему, что сейчас пойдём, и вернулась в бювет. Писк не прекращался. Женщины тоже обратили на это внимание и поняли, что это пес таким образом вызывает меня: «Мол, что-то ты так долго, ведь я же жду тебя?» Более того, видя наши такие дружеские отношения с собакой в течение всего сезона, одна из женщин сказала: «Как же Вы с ним будете расставаться?»

И, правда, как? Я вышла из бювета. При виде меня Мишка радостно стал прыгать на меня и часто вилять хвостом. Я начала гладить его, и вдруг у меня на глазах появились слёзы.

Я наклонилась к нему, обняла его за шею и грустно сказала со слезами на глазах: «Мишка, дорогой, а как же мы с тобой будем расставаться при такой привязанности друг к другу и как же мы будем дальше жить друг без друга?» Его с собой не возьмёшь, да он бы не смог оставить своё «хлебное» место проживания. Он печально и преданно посмотрел на меня, и мы пошли рядом. Я шла и плакала. Действительно, было жаль расставаться, а до конца сезона оставалось пять дней.

Тут я вспомнила рассказ бабушки Ларисы, которая отдыхала в Куке не раз и знала Мишку раньше. Она рассказала про Мишку, который привязался к одному из отдыхающих точно так же, как ко мне, а когда пришла пора, и он уехал, то пес долго скулил и часто бегал на остановку автобуса, откуда отъехал автобус, увозя в город понравившегося Мишке отдыхающего. Я представила эту картину и ещё сильнее расплакалась.

Мне кажется, что Мишка это почувствовал, т. к. он начал мне лизать руку. Он, похоже, понял мою мысль о расставании. И вдруг, буквально на следующий день, с собакой произошла метаморфоза. Мишка перестал подходить ко мне, перестал брать пищу от меня и перестал даже откликаться на зов и свист. Что случилось, в чем причина такого отношения ко мне, в чём я провинилась перед ним? Первое, что пришло мне в голову: это он, как понимающий человеческий язык, решил сам порвать наши дружеские отношения, т.к. был близок срок окончания сезона. Я его звала, подходила к нему, старалась кормить его, свистела, но всё было бесполезно. Пес был равнодушен, даже при виде еды он не подходил ко мне. Меня это страшно удивило.

Подходя к нему, разговаривая с ним, я замечала дикую печаль в его глазах. Он все дни всё время лежал на лужайке и ни на что не реагировал. Я даже не видела, чтобы он что-нибудь ел. Он вообще ни к кому не подходил. Я очень была

обеспокоена его таким поведением. Не заболел ли? Втайне я в душе была даже рада таким его отношением ко мне. Так было бы легче нам расставаться в конце сезона.

Но всё оказалось печальнее. Восьмого мая, за два дня до моего отъезда, когда я шла на очередное питьё в бювет и, проходила мимо поликлиники, сзади меня вдруг раздался выстрел. Стреляли из ружья. Я резко обернулась. Возле поликлиники стояла белая иномарка, и в неё с большой поспешностью заскакивали в обе дверцы машины два человека. Потом эта машина мгновенно сорвалась с места и с огромной скоростью лихо промчалась мимо меня. Я быстро прижалась к подпорной стенке, ибо мне казалось, останься я на дороге на прежнем месте, то машина смахнула бы меня с дороги, мчась на такой скорости. Кому предназначался выстрел, в кого стреляли? Я не поняла. Не увидев больше ничего, я пошла пить воду, раздумывая над увиденным. Возможно, это были охотники, подумала я, ничего плохого не подозревая. Попив воды, я пошла на обед.

После обеда, придя домой, я узнала ужасную для меня новость. Зашла соседка по комнате и выпалила: «Мишку убили!» Как обухом по голове, это известие ошарашило меня. Я как ошпаренная, соскочила с кровати с криком ужаса: «Как?!» - и горько заплакала, закрыв лицо руками.

Я долго плакала. Сквозь слёзы я слышала, что соседка говорит, что вроде Мишку убили за то, что он бросался на детей. Я ей в ответ плачу и кричу, что это неправда, что такой пёс, как Мишка, не тронет детей, что он вообще отдыхающих не трогал, тем более детей.

Значит, это тот самый выстрел, что я слышала до обеда. Он стал смертью для моего пса. За ужином только и разговоров было о том, что застрелили собаку. Высказывали предположение, что в деревне живут бичи и они питаются собачьим мясом, и настала очередь съесть Мишку. Потом говорили, что надо было собачье сало для лечения у кого-то туберкулеза. Ещё была версия, что нужна была хорошая шкура. Надо отдать должное Мишке: и шкура, и мясо, и сало были отменными, так как он был очень лохмат, упитан и вообще здоровый пёс. И вот он кончился. Застрелили.

Так произошло моё расставание с замечательным временным другом «Мишкой Косолапым». Я очень долго плакала. Мне было его очень жалко. У меня внутри что-то задеревенело. Так вот почему за два дня до гибели он был печален и ни на что не реагировал, как будто чувствовал смерть и расставание.

Немного успокоившись, я быстро оделась и пошла искать место, где убили Мишку. При пристальном обследовании места, где произошёл выстрел, я увидела дорожку из Мишкиной крови, когда его волокли к машине и закидывали в багажник. Это, значит, была та самая иномарка, в которой приехали убийцы Мишки и увезли его. Видимо, он кому-то понадобился мёртвым. Я нарвала цветущего багульника и вставила его в землю, где пролилась кровь моего друга. В память о нём.

Вот такое получилось печальное расставание с умным и красивым псом Мишкой. С тяжелым сердцем я закончила свой сезон в Куку. Такого жуткого и болезненного расставания я не забуду никогда.

СОЛНЫШКО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

Окончив хозяйственные дела в городе, я решила ехать на дачу одиннадцатичасовым предобеденным автобусом, так как следующий рейс ожидался только в три часа дня.

Автобус ехал по Байкальскому тракту в сторону Листвянки. Ехать было недалеко, до остановки «Фронтвик», которая находится на двенадцатом километре. В автобусе пассажиров почти немного (середина рабочего дня!), а на остановке я вышла вообще одна.

День был весенний, солнечный и очень теплый. Я шла по берёзовому лесу, радуясь всему. Всё вокруг зазеленело, на деревьях распустились молодые липкие листочки, расцвели одуванчики, самые ранние летние цветы. Небо чистое, нежно-голубое, ни единого облачка. Из леса я вышла на гравийную дачную дорогу. Вдоль дороги с обеих сторон стояли старые, серые деревянные заборы садоводческих участков. И, как обычно, под заборами широкой полосой вылупились жёлтые, глазастые одуванчики.

Настроение отличное. Я шла одна, любуясь таким великолепием. Одуванчики росли различной высоты с крупными и мелкими головками цветков и даже различные по оттенку жёлтого цвета. Их было очень много.

И вдруг на фоне такого обильного массового цветения напротив моего участка я увидела огромное, круглое, ярко - жёлтое пятно, состоящее из множества плотно прижатых друг к другу одуванчиков. Я как будто увидела ослепительное солнце, вспыхнувшее на земле оранжевым цветом из отдельных

маленьких солнышек-одуванчиков. Головки цветков так плотно примыкали друг к другу, что ни один зелёный листочек не мог пробиться внутрь этого большого золотистого круга, который, как на блюде, лежал на зелёных листьях растений.

Я долго не могла оторвать своего восторженного взгляда от этого потрясающего зрелища. Такое невероятное чудо природы! Охая и ахая, и качая головой, я всё-таки оторвалась от этого восхищения и пошла на свой участок. Мне страшно захотелось с кем-то поделиться увиденным. Но вокруг, как назло, никого, даже соседей по даче. Я была одна и никого до вечера не ждала...

Буквально через несколько минут, как-будто по волшебству, по своим делам приезжает на дачу на своей машине старший сын, хотя он никогда в обед не приезжал. Ему понадобилась какая-то запчасть для машины. Я очень обрадовалась его приезду, так как появилась возможность выплеснуть свой восторг и своё восхищение. Не спрашивая его, зачем он приехал, я взахлёб стала рассказывать про солнце из одуванчиков. И говорю ему: «Ой, Саша, что я тебе сейчас покажу, вряд ли ты это видел и увидишь ещё когда-нибудь. Ты тоже очень удивишься. Пойдем за калитку. Это - там». Вместо того, чтобы накормить его обедом, я повела его показывать только что увиденное мною чудо.

Подходим вдвоём к этому солнышку. И о ужас! Вместо жёлтых, ярких, крупных одуванчиков, вместо солнышка на блюде из золотых цветков торчат одни тычки. Кто-то за эти короткие пять-десять минут, после того как я любовалась солнышками-одуванчиками, прошёл и срезал ножом все их головки. Срез был ровный. Из этих оставшихся стеблей сочилось белое млечное молочко. Остались только листики. От такой неожиданности у меня перехватило дыхание и на глазах появились слёзы. Я всплеснула руками и запричитала: «Ну надо же!» Потом прижала руки к щекам и долго – долго так стояла в оцепенении. Досада была такая, что мне хотелось нарвать из рядом распустившихся одуванчиков жёлтые головки и прилепить их к этим тычкам. Я испытывала жуткое разочарование. Мне даже не верилось, что за столь короткий промежуток времени такое могло случиться. Ну, Саша, естественно, спрашивает: «И где же твоё солнышко из одуванчиков?» Я посмотрела направо и налево вдоль дороги, но в поле моего зрения я никого не увидела. Но, если бы увидела, то, конечно, накинулась бы на него с возмущениями о содеянном.

В душе моей творилось что-то невероятное. Во-первых, очень жалко, что срезали эти одуванчики, и никто никогда не увидит такой красоты, такого чуда природы. Во-вторых, я не получила удовольствия поделиться своей радостью от увиденного, а меня постигло глубокое разочарование от того, что не смогла показать сыну то, что увидела сама и очень нахваливала. В-третьих, моя радость и восторг потеряли всякий смысл. Настроение было испорчено на весь день. Но то, что я увидела однажды, вряд ли повториться ещё, во всяком случае, в моей жизни. Дай Бог увидеть такое чудо кому-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь. Я всем этого от всей души желаю.

ИЗ ПРОШЛОГО

Когда-то давно писала:
Мне б не радоваться,
не смеяться: двадцать пять,
а мечусь, как в семнадцать...
Надо людям во многом признаться,
ещё больше – от них дознаться...

Я всегда добро принимала
как аванс, как подъёмную плату;
Оплатить все долги мечтала,
только стать бы скорей богатой.

А года как с цепи сорвались,
в голове стучит: не успею...
Годы шли, а долги остались –
ничего кроме них не имею.

Мне б не радоваться, не смеяться,
по ночам голова кружится,
Ну а утром стоит подняться,
вновь надежда в меня вселится...

Через определённое количество лет
двадцать пять
 легко заменялись на тридцать,
сорок, пятьдесят, шестьдесят...
И даже в семьдесят
я, как в семнадцать – увы...

Зовут меня края,
где я бывал хоть раз,
Манят к себе моря –
я не пойму их власть;
На сопках города,
вулканы в поднебесье,
камчатская пурга, карпатские легенды...

Жду. Жду, жду встречи с вами снова,
Скоро приду к старым знакомым!

Но как же без меня живёт сейчас
Талнах?
Куда мои друзья умчались на плотях?
Пусть в наши паруса влетит
попутный ветер,
и, может, встретят нас
на полюсе рассветы...
Жду, жду, жду встречи этой новой,
Скоро приду, будем знакомы.

Мой Тихий океан,
проверь меня штормами,
Ведь я плыву к друзьям,
где слабых презирают,
А с ними вновь идти
нехоженой дорогой,
взяв новые стихи да песни для походов.
Жду, жду, жду встреч я этих снова,
Скоро приду к знакомым
и незнакомым...

За окном, угрожая,
ветер воет шальной.
Ах, люблю без ума я
тот разгул озорной!
Здесь всему удивляюсь,
хохочу или злюсь,
То дождём умываюсь,
то с пургою борюсь.
Но восторг не проходит!
Утро нового дня
никогда не походит
на вчерашнее. Я
Разгадаю едва ли
тайны милой Камчатки –
ты мне близкою стала,
Не боюсь в том признаться.
Не сердитесь, родные
Ангара и тайга,

изменить вам не в силах,
но...поймите меня;
Так богата земля,
и красот в ней так много!
Всё увидеть хочу я,
манит, манит дорога;
Восток Ближний и Дальний,
крайний север и Куба,
знойный юг, Забайкалье –
Встречи с вами так жду я!
На Камчатке сейчас я
со Вселенной беседую,
и зима нас уже в октябре «попроведала».
А потом снова дождь,
ветер всех направлений...
Всё же вправду хорош
край у края страны моей...

Снег летит и кружится
от весеннего ветра,
И снежинка ложится
рядом с белым соцветьем.
Так похожи они
очертанием нежным,
Что попробуй пойми,
где здесь снег, где подснежник.

Мысли, мысли... бегут и бегут,
в них раздумья, мечты необычные...
То мне нравится собственный труд,
а то бесит – такой ограниченный!
Да не труд, верней, - я сама,
со своими тетрадками, книжками –
То хочу открыть людям глаза,
то сама живу с закрытыми.
Знаю я, что не хлебом единым
жил и будет жить человек...
Но...заняют вдруг руки по делу,
горы сдвинуть захочется мне,
заболит голова от желанья

и не чувствовать свои ноги.
Мысль работает, судит, мучает –
от себя убежать приходится...
И теперь уж, верно, не спутаю,
справа, слева ли сердце находится.

И всё же люди –
главная радость в жизни!

ТЕЛЕГРАММА

Хочешь, подарю тебе весну,
тёплый день и лужи с воробьями,
И берёзы белую листву,
хоть цветёт она пока в стакане?
Снег и здесь ещё нередкий гость,
но теперь ему никто не верит.
Хочешь, кину лучей солнца горсть,
пусть летит на твой далёкий Беринг.
«Юльчонок!» –

это ты зачем-то зовёшь меня,
вернее, я хочу, чтобы ты позвал.
Но это странное, милое имя
я не слышу уже три дня,
И три дня в моей жизни какой-то провал.
Я читаю, ем и даже вот пишу стихи
Каким-то древним,
чуть не гомеровским стилем...
Я не захнычу, не зачакну без тебя,
не уйду в монастырь
И даже буду петь и смеяться с другими.
Но я хочу каждый день слышать:
«Юльчонок!» - моё новое имя,
Чтобы в книгах, в песне – в жизни –
был смысл и была радость...

Не получилось – любви как в песне,
мужа – надёжного, мудрого, трезвого,
Работы взахлёб, чтобы мыслям тесно
и путешествия кругосветного...
Может, грешно
гневить всевышнего,
ведь было; мама – и в песне не сыщешь,
Учителя – и с ними везло мне,
есть дети –
с совестью, добрые, мыслящие.
А...первый подснежник и золото осени!
А – магия слова, стихов, мелодии!
Книги – уж точно спасенье от горстей....
Внуки – умны и без наших комплексов.
Но ... «в небо взлететь»
и «упасть в пропасть»
не с кем и не за кем –
Разошлись орбиты;
с божницы опущена в преисподнюю –
Есть бытие, а душа убита...
А небо, как прежде, такое высокое!
И люди вокруг одеты нарядно,
И песня звучит, и меткое слово –
и мне вообще-то всё это надо...
Но прервана связь между всем сущим,
потерян смысл в суете буден...
После долгих дождей
пригрело солнышко –
За окном ребятишки и птички ликуют...

СЕСТРЕ – В ДЕНЬ ЕЁ СЕМИДЯСИЛЕТИЯ

Нам, конечно, повезло с детства –
просто, мамы такой теперь не сыщешь.
И отец оставил своё наследство
нашей династии отличниц.
Шестерых они не просто взрастили,
но в каждого стержень вложили –
И идём мы по жизни уверенно,
потому что в семье всех любили.
Несхожести нашей удивляясь,
мама каждого ценить умела.
Помнишь, как дознаться мы пытались,
кого она любит сильнее?
А она брала чью-нибудь ладошку,
спрашивала: какой отрезать пальчик?
Никакой не отдашь? Страшно?
Вот и каждый из вас - мой пальчик.
Какой ни отрежь – всё больно...
А когда повзрослели, говорит:
- Не рожайте больше двух, девчонки! –
За каждого душа так болит!..
Через двор наш и дом над Ангарою
прошли не только мы и наши дети...
А когда кто-то сталкивался с бедою,
знал, что он не один на свете.
Спокойно, без лишних излияний.
Все, чем могли, помогали...
Ну а если у кого праздник –
с размахом, от души пировали.
Пусть теперь мы вроде городские,
но гордиться никогда не перестанем,
что в Олонках наши главные корни
и начало наших дерзаний.

Нина Увакина

ОДА ЗИМЕ

(зарисовка)

Уже давно стояла зима. Дома и дороги, лес и река - все было укутано плотным слоем снега. Погода стояла теплая, безветренная, небо закрывали тяжелые серые облака. Стали сгущаться голубоватые сумерки, и пошел снег, Плавно кружась, он опускался на землю крупными пушистыми хлопьями, падал на лицо, на ресницы, таял, скатываясь мелкими каплями. А мы подставляли ладони и ловили снежинки, едва успевая рассмотреть чудесные неповторимые узоры.

К утру снегопад прекратился, и мы с друзьями решили пойти в лес на лыжах. Лыжню протапывали сами, порой утопая по пояс в снегу; иногда шли по следу охотников «старой» дорогой на берегу реки Витим.

Свернув к тропе, от неожиданности все остановились: после сильного снегопада такие знакомые с детства места неузнаваемо изменились. Перед нашим взором раскинулось сказочное царство матушки-зимы. Прямо над лыжной ветви деревьев от тяжести нагнулись и образовали арку, открыв вход в

другой, загадочный мир. Осторожно, друг за другом, проскальзывая под снежным навесом, стараясь не касаться ветвей, оказались мы на узкой тропинке. Нас плотно окружили заснеженные, величаво торжественные сосны и ели. Воздух был хрустально чист. Все вокруг замерло, не слышно ни звука - место казалось заколдованным. А впереди перед нами по обе стороны дороги расстилалось сверкающее серебристыми искрами снежное море.

Позабыв обо всем, затаив дыхание, не ощущая ни времени, ни пространства, я стояла, пораженная красотой и величиим зимнего леса. Между небом и землей не было границы - все слилось воедино. Душа моя пела. Никого не дожидаясь, я медленно двинулась вперед, то поднимаясь на гребень пушистой снежной волны, то опускаясь на дно. Порой мне казалось, что лес, дорогу, саму себя я вижу сверху, и только легкое поскрипывание снега под лыжами возвращало меня на землю.

А природа открывала передо мной свои зимние картинки. Рядом с лыжной полевая мышка проложила хрупкий тоннель, который иногда прерывался. Внутри этого тоннеля видна была натоптанная тропка с лежащими на ней мелкими зернышками, сухими травинками. Неподалеку, в сугробе, с безветренной стороны сделала себе укрытие белая куропатка. Она недавно вылетела, и еще было видно едва уловимое испарение от ее тела. Всюду меня сопровождали березки, увитые снежными змейками; кое-где стояли пенечки в огромных белых шляпах, надутых ветром из снега, сидели, прижавшись к деревьям, словно сказочные фигурки. Из-под снега торчали вывернутые с осени корни деревьев; казалось, из темных нор за мной кто-то наблюдает. Вдруг сверху на меня посыпался снег. Я подняла голову: прямо надо мной на ветке сосны сидела серая пушистая белочка, она с любопытством посмотрела черными блестящими бусинками глаз и быстро юркнула под раскидистую крону дерева. С переполнявшим меня чувством радости и удивления я шла навстречу новым чудесам.

По лесу разнесся дробный перестук дятлов. Природа стала просыпаться. Постепенно вокруг становилось светлей, тучи понемногу растворялись, и стало проглядывать синее небо. Обойдя выступ скалы, я резко остановилась: прямо на лыжне, сливаясь с белоснежным потоком, стоял, не шевелясь, заяц, только черные кончики его ушей мелко-мелко подрагивали. Мгновение он смотрел на меня испуганными глазами - и тут же

стремительно перемахнул через дорогу. Пушистый снег легким облачком поднимался и опускался от его летящих прыжков. Изумленная, я еще долго стояла и смотрела вслед исчезнувшему белому комочку.

Над горой сквозь облака стало пробиваться солнце, и первые лучи его осветили окрестности. Лыжня скоро закончилась. Не ожидая ничего нового, я вышла на небольшую поляну и оказалась как будто в сказочной хрустальной зале. Снег вокруг блестел и сверкал, переливаясь всеми цветами радуги; казалось, что воздух звенит от разноцветных искрящихся лучиков. Меня окружали кусты шиповника, плоды его превратились в сверкающие свечи. Чуть повыше свисали алые грозди рябины, запорошенные снегом. Они светились на солнце, как зажженные праздничные люстры.

Увиденное заставило меня забыть обо всем. В голове гремела тожественная музыка Баха, под эти звуки душа моя ликовала, пытаясь вырваться из груди. Слушая незабываемые аккорды, я не помню, как оказалась на дороге. Лицо от возбуждения горело, сердце громко стучало. Такой радости, такого восторга и восхищения я никогда еще не испытывала.

Смеясь и переговариваясь, стали подходить мои друзья. А я, потрясенная увиденным, шла домой молча, стараясь не расплескать, сохранить то, что подарила мне природа. Вот так и продолжаю жить, неся в себе те незабываемые мгновения.

Светлана Васюхина

КРАСОТА

Пред глазами чудная картина:
золотом сверкают купола,
и кристально-снежная равнина
выделила Истру, обняла.
Тишина кругом, покой разлитый,
и ледком не тронута река.
Воздух чист, и там вдали пернатых
стая догоняет облака...
Красота! В природе всё едино –
устремляется в полёт душа.
«Храм-музей позирует на диво!» -
улыбаюсь в мыслях. Не спеша
вдоль тропинкой узкой пробираюсь,
пред глазами прошлого канва:
не назвать прошедшее мне раем...
И любовь, что в памяти жива,
как воды узор её уж нету...
Всё течёт, смывая прежний след.
«Каковы судьбы моей секреты?» –
улыбнулось солнышко в ответ...

ДЕНЬ ВОСКРЕСНЫЙ

Сквозь туман белесый в день морозный
Солнце, как огарочек свечи,
светит тускло и тревожно –
суету сует бы снять с души...
Вот уж мгла рассеялась, не манит –
вслед растаял жёлтый диск вдали.
Просветлело небо. Утром ранним
холод, слышишь, тянет от земли...
Дует ветер слабый, и лениво
дым из труб плывёт. Снежинок рой
радугой искрит, и луч игривый
от домов – несёт душе покой.
День воскресный, не видать прохожих –
редкий незаметно промелькнёт...
Захотелось вдруг свои ладоши
натереть снежком, что намело...

ЗИМНИЙ ЭТЮД

Звёзды сияли по-зимнему ярко,
словно костры догорали.
Лёгкий морозец. И было не жарко.
Лыжи торопко бежали.
Таяла в небе луна. Уж светло.
Таинство ночи пропало.
Хрустнуло что-то в кустах, прозвенело:
«Здравствуйте!» - мне показалось...

Краткие сведения об авторах

- *Арсеньев Владимир Иванович* (псевдоним В. Семнадцатый) – слушатель Высшей народной школы (ВНШ) г.Иркутска.
- *Байбородин Анатолий Григорьевич* – член Союза писателей России, преподаватель ВНШ г.Иркутска.
- *Волчук Анатолий Викторович* – слушатель ВНШг. Иркутска.
- *Васюхина Светлана Викторовна* – кандидат физико-математических наук, слушательница ВНШ г.Иркутска
- *Гордин Александр Иннокентьевич* (псевдоним Иоанн Бубликов) – член Союза журналистов России, доцент, преподаватель ВНШ г.Иркутска.
- *Горячева Екатерина Ивановна* - слушательница ВНШ г.Иркутска.
- *Дикова Вера Гавриловна* - слушательница ВНШ г.Иркутска
- *Добрынин Олег Николаевич* – слушатель ВНШ, г.Иркутска
- *Зоркин Виталий Иннокентьевич* – Заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов России, профессор, преподаватель ВНШ г. Иркутска
- *Коростелёва Юлия Яковлевна* - слушательница ВНШ г.Иркутска.
- *Русакова Людмила Прокопьевна* - слушательница ВНШ г.Иркутска.
- *Скиф Владимир Петрович* – член Союза писателей России, преподаватель ВНШ г.Иркутска.
- *Крестьянников Владимир Дмитриевич* – слушатель ВНШ г.Иркутска
- *Максимов Владимир Павлович* – член Союза писателей России, преподаватель ВНШ г.Иркутска.
- *Увакина Нина Григорьевна* - слушательница ВНШ г. Иркутска.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. Наши «Родные берега»	3
---	---

Поэзия

В.Скиф. Из книги «Русский крест»

Свист	6
-------------	---

Третья мировая	7
----------------------	---

Из книги «Молчаливая воля небес»

«Позвонки народа хрустнули...»	7
--------------------------------------	---

«Я живу бедою жгучею...»	7
--------------------------------	---

О.Добрынин. Избранные стихи

«Если руку не дашь – упаду»	8
-----------------------------------	---

Ожидание лета	8
---------------------	---

«Разневестились деревья»	9
--------------------------------	---

Сенокос	10
---------------	----

«Я мальчишкой ходил через мост»	11
---------------------------------------	----

«Я помню то время»	12
--------------------------	----

«Идёт гражданская война»	13
--------------------------------	----

«Нет, природу не обманешь»	13
----------------------------------	----

Зимняя баня	14
-------------------	----

Байкальские мотивы (отрывок из поэмы)	14
---	----

«Пусть открыто окно»	16
----------------------------	----

А.Гордин. Из цикла «Пеньковая лира»

Русский Рим	17
-------------------	----

«Моя нация – хлеб и сталь»	18
----------------------------------	----

«Прекратилась работа души»	19
----------------------------------	----

«Птицу выпустили из клетки»	20
-----------------------------------	----

«Двуглавый орёл – Белая ворона»	20
---------------------------------------	----

«Письма отправлены. Письма идут»	21
--	----

Рождество	22
-----------------	----

А.Волчук. Из цикла «Осенние мотивы»

«Тихо я иду аллее парка»	24
--------------------------------	----

«Отшумели вьюги золотые»	25
--------------------------------	----

«Вот уж снова облетают»	25
-------------------------------	----

«Ты сказала: «Звонить мне не надо»	26
--	----

Зимний вечер	26
Думы	27
«Давно окончена гражданская война»	27
«Мы все под звёздным Зодиаком»	28
Святой Байкал	28
«Девушка под зонтиком идёт»	28
Судьба	29
В.Крестьянников. Стихи.	
Забывшая песня	30
«Времени, как жизни, много не бывает»	31
Ну, как тебе живётся?	32
Странная страна	32
А мне опять приснился	32
«В глухой тайге над быстрой речкой»	33
Музейные страсти	34
«Что меня так на родину тянет»	35
«Пять минут на прощанье»	36
«Говорят, что мужики не плачут...»	37
К.Горячева. Стихи.	
«Таины, тайны бытия»	38
Осколки бывшего Союза	38
Рутинка	39
Тоска	40
В.Максимов. Стихи.	
«И, кажется, всё миновало...»	41
По дороге из Иркутска в Ангарск	41
В дороге	42
«Мой выдуманный мир»	43
«Здравствуй, Света – дочь рассвета»	43
Вне зоны доступа	44
Летнее воспоминание	44
Случайная встреча	45

Проза

А.Байбородин. Из цикла «Писательские байки»	
Брань или как я защищал Распутина	47
Зоопарк	50
Елизар и Дарима	51
Как я покорял Москву	53
А.Гордин. Глава из поэмы	
Не существующая рукопись	56

Публицистика

В.Зоркин. «Закубанский карамзада»	
Или история книги «Проделки на Кавказе»	71
В.Семнадцатый.	
Иркутская электричка	79
Батюшка Комар	86
А.Гордин.	
Пришлые	91

Ироническая поэзия

А.Волчук.	
Встреча	97
«Добро должно быть с кулаками»	98
«Когда он состоял в КПСС»	98
«Фурсенко очень много думал»	98
«Став кандидатом в депутаты»	99
«Сказал поэт, что истина в вине»	99
«Для Расторгуева «Расея»	99
Признание	100
Пародии	
Тоска	100
«Поэт в России больше, чем поэт...»	101
«Какая осень, Господи! А лес...»	102
Вечность	103
Корова	103
«То не зуб разболелся – это съёмный протез...»	104
«Что-то стал я трусливый...»	105
Барашкиада	105
«Господь наш тоже кулинарил...»	106
Ошибка	107
И.Бубликов	
Гражданин	108
Бумажный Бог	109
«Через бублик моей души...»	109
«Стихи, пейзажи – вперемешку!»	110
«Кто же я? Китаец или русский?»	110
Подражание Есенину	111
«Ветер в городе, словно в клетке...»	111
«Голуба, ты опять серчаешь на меня!»	112

Проба пера

Л. Русакова. Рассказ «Счастье»	114
В. Дикова. Стихи.	
«Золотое дно священного Байкала»	121
Чайка	121
«Облака молочные»	122
Невыдуманный рассказ «Расставание»	123
Зарисовка «Солнышко из одуванчиков»	130
Ю. Коростелёва. Стихи.	
Из прошлого	133
«Зовут меня края...»	133
«Снег летит и кружится...»	135
«Мысли, мысли... бегут и бегут...»	135
«Как хотелось всю жизнь «идти на грозу»	136
Телеграмма	137
«Не получилось – любви как в песне»	138
Сестре в день её семидесятилетия	139
Н. Увакина.	
Зарисовка «Ода зиме»	140
С. Васюхина. Стихи.	
Красота	143
День воскресный	144
Зимний этюд	144

«Родные берега» - первый художественно-публицистический альманах Высшей народной школы (ВНШ) Иркутска, которая осуществляет свою неформальную образовательную деятельность при «Восточно-Сибирской государственной академии образования» с 2009 года. Данный общественно значимый социальный проект поддерживается творческой интеллигенцией и администрацией города Иркутска.

«Родные берега» - коллективный труд литературного клуба и преподавателей ВНШ. Редактор-составитель (Гордин А.И.) и общественная редколлегия (Волчук А.Д., Арсентьева Л.В.) предупреждает читателей, что в стихах и прозе, опубликованных в альманахе сохранена авторская стилистика. Это означает, что за возможные смысловые неточности и невнятности, стилистические шероховатости, по предварительной договорённости с авторами, последние берут ответственность на себя персонально.

Художественно-публицистический альманах

РОДНЫЕ БЕРЕГА

Подписано в печать 21.01.2014. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100 экз. Заказ 09501.

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1»

г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2

тел.: 540–940

Родные берега

В.Скиф - А.Гордин - А.Волчук - В.Крестьянников -

В.Максимов - А.Байбородин - В.Зоркин - В.Семнаццатый - А.Волчук - И.Бубликов - Л. Русакова

В.Дикова - Ю. Коростёва - Н.Увакина - С.Васюхина